

Чувственное
Путешествіе
Сибирія

60
Францъ

Москва 1803 года.

ЧУВСТВЕННОЕ
ПУТЕШЕСТВІЕ
СТЕРНА

В О
ФРАНЦІЮ.

сѢ Французскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА,
ВЪ Губернской Типографіи у А.
Рѣшешникова, 1803 года.

*Съ дозволенія Московскаго
Гражданскаго Губернатора.*

Е Г О

ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

Г о с п о д и н у

Дѣйствительному Тайному Совѣтнику,

Государственнаго Совѣта Члену,

Министру Юстиціи.

О р д е н о в ъ :

Св: Александра Невскаго, Св: Анны
Іго Класа, и Св: Равноапостольнаго
Князя Владимира большаго
Креста 2й степени Кавалеру и Св:
Іоанна Герусалимскаго Командору,

Г А В Р И Л У Р О М А Н О В И Ч У

Д Е Р Ж А В И Н У

Милостиво.му Государю,

Въ малѣйшей знакѣ

Истинной, сердечной благодарности.

Предъ цѣлымъ свѣтомъ, я готовъ
всегда признаться :
Державинъ способъ далъ мнѣ
жизнью утѣшаться.

П. Домогацкой.

О Г Л А В Л Е Н І Е

первой части.

<i>Глав.</i>		<i>Стр.</i>
I.	Отъѣздъ-прибытіе. . .	1
II.	Кале-впечатлѣнія. . .	5
III.	Кале-монахъ. . . .	9
IV.	Причина раскаянія. . .	15
V.	Польза отъ стряпчихъ. . .	19
VI.	Кале-почтовая коляска. . .	21
VII.	Предисловіе въ почшо- вой коляскѣ. . . .	23
VIII.	Невѣспкѣ на опмѣспку . . .	37
IX.	Кале-улица. . . .	43
X.	Кале-карешной сарай. . .	48
XI.	Вся въ разговорахъ. . .	35
XII.	Кале-табакерка. . . .	59
XIII.	Побѣда. . . .	65
XIV.	Открытіе. . . .	71
XV.	Другой воспользовался бы.	76
XVI.	Признаніе. . . .	79
XVII.	Несчастіе и счастіе. . .	83
XVIII.	Способъ примѣчать. . .	86

II Оглавленіе.

Глав.		Стр.
XIX.	Монтріуль.	94
XX.	Надобно бытъ всѣмъ довольну.	99
XXI.	Предувѣдомленіе.	104
XXII.	Что дѣлаетъ добродѣ- тельными.	107
XXIII.	Отрывокъ.	111
XXIV.	Рѣдко вкушаемое удо- вольствіе.	115
XXV.	Лошакъ.	122
XXVI.	Мерпвой осель.	128
XXVII.	Почталіонъ.	134
XXVIII.	Аміенъ.	137
XXIX.	Письмо.	143
XXX.	Парижъ.	155
XXXI.	Парикъ.	158
XXXII.	Пульсъ.	163
XXXIII.	Мужъ.	170
XXXIV.	Перчатки.	174
XXXV.	Переводъ.	179
XXXVI.	Карло.	188
XXXVII.	Роза.	199

ЧУВСТВЕННОЕ
ПУТЕШЕСТВІЕ
СТЕРНА

ВО
ФРАНЦІЮ.

ГЛАВА I.

Отъездъ - прибытіе.

Во Франціи эша часть, сказалъ я, несравненно лучше устроена. — А вы бывали во Франціи? спросилъ меня съ преучивымъ и прему-

Часть I.

А

дренымъ тономъ какой-то чудака, съ которымъ я спорилъ.

Что за странность! подумалъ я: не ужь ли онъ считаетъ удивительнымъ дѣломъ мнѣ быть во Франціи, и еще тогда, какъ я только за двадцать одну милю отъ ней? Чудно! надобно думать, что онъ имѣетъ какую нибудь причину. . . . Постараюсь отгадать. — Это предпріятіе пре-крашило споръ. . . . Я побѣжалъ домой — завернулъ въ чемоданъ полдюжины рубашекъ, и еще кое-что; взглянулъ на кафтанъ, и найдя его довольно крѣпкимъ, пустился въ почтовой коляскѣ въ Дувръ.

Тамъ сказали мнѣ, что пакетъ - ботъ опваливаетъ ушромъ въ девять часовъ. Я сѣлъ. Въ три часа пополудни былъ уже намѣстѣ, во Франціи, и ѣлъ соусъ съ цыплятами съ такою жадностію, что еслибы въ слѣдующую ночь я отправился на пошъ свѣпъ, то никто уже не могъ бы уничтожить силу закона о выморочныхъ имѣніяхъ. Увы! мои рубашки, мое кое - что, мой чемоданъ, и все мое добро, чуть чуть не улетѣло въ гардеробъ Короля Французскаго; даже и крошечной портретъ, помнишь Лизета, пошъ самой, копорой я долго носилъ на шеѣ, и часто швердилъ тебѣ, что я

велю зарыть его вмѣстѣ со мною
въ могилу; да, Лизепа, онъ—эпопъ
самой, совсѣмъ было достался Ко-
ролю. . . . Ахъ! его сорвали бы
съ груди моей. . . . Право эпопъ по-
ступокъ не такъ-то великоду-
шенъ! Хорошее ли дѣло восполь-
зоваться обжорливостію безразсуд-
наго спранника, котораго ласки и
вѣжливостъ своихъ подданныхъ
заманили въ швое владѣніе? По
чести, Ваше Королевское Величе-
ство, не весьма хорошо изволише
дѣлать. Обладателю такого чест-
наго народа, котораго нѣжностъ и
привѣшлливостъ повсюду превоз-
носятся; совсѣмъ не годится такъ
послушать съ шѣмъ, которой ни-

чего больше не хочешь , какъ узнашь его , и покороче съ нимъ познакомишься.

А я едва переступилъ порогъ твоей. .

Г Л А В А II.

Кале - влётатльнїя.

За обѣдомъ осушилъ я нѣсколько полныхъ спакановъ добраго вина за здоровье Короля Французскаго , которому не только не желалъ зла , но еще почищалъ его чрезвычайно за хорошій и снисходительной нравъ. Радуюсь такому добромu дѣлу , вышелъ изъ за стола , и мнѣ

казалось, что я вершка на два подросъ выше.

Нѣтъ ! говорилъ я, нѣтъ ! не сродно поколѣнїю Бурбонскому бышь свирѣлымъ . . . Они могушъ бышь жертвою прониырспѣ . . . Но можно ли предосперечь себя тогда, какъ это уже сдѣлалось общєю учасшью всѣхъ земныхъ Владыкъ ? Однакожь, ~~въ крови Бурбоновъ~~ еспь нѣчто особливо крошкое. Между тѣмъ какъ душа моя оправдывала сію испину, я почувствовалъ на лицѣ моемъ нѣкоторой румянецъ ; но шолько гораздо прїятнѣе того, которой могло бы произвесши во мнѣ вино Бургонское.

Боже правосудный! Вскричалъ я, оштолкнувъ лежащій у ногъ моихъ чемоданъ: Боже правосудный! есть ли какое нибудь благо въ мїрскихъ сокровищахъ, когда они заимѣвають шакъ нашъ разумъ, и раждають шоликїя между нами распри?

Блаженъ миролюбецъ! блаженъ истинный другъ человечества! золото не прельщаетъ его души; оно гораздо для него легче пуха, и ничто иное, какъ спасительное орудіе несчастныхъ. Онъ повсюду ихъ ищетъ, и вынимая кошелѣкъ свой, съ радостнымъ восторгомъ разделяетъ его съ ними!

ВЪ сію минушу и я почув-
ствовалъ какое то, подобное сему
побужденіе. . . . Казалось, что жи-
лы мои расширились, и кровь по-
лилась въ нихъ гораздо плавнѣе.
Самая Парижская модница, со всѣмъ
своимъ глубокомысліемъ, не при-
няла бы меня теперь за машину.
Система ея обратилась бы верхъ
дномъ.

Такое размышленіе пред-
ставило мнѣ Природу во всей
наготѣ. . . . До сихъ поръ я
жилъ согласно со всемъ свѣшномъ;
а съ возрожденіемъ сей мысли
заключилъ я союзъ съ самимъ собою.

О! естли бы на эту минушу
сдѣлали меня Королемъ Француз-

скимъ съ какимъ пріятнымъ восхищеніемъ внялъ бы я гласу ограбленнаго сироты! съ какимъ удовольствіемъ возвратилъ бы я ему опцовской чемоданъ!

Г Л А В А III.

Кале - монахъ.

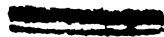
Линь только кончалъ я свое разсужденіе, какъ вдругъ явился передо мною монахъ Францисканскаго ордена, и просилъ подаенія на свой монастырь. Кто захочетъ, чѣмъ случай управлялъ его добродѣтелью? Великодушіе должно быть съ разсмотрѣніемъ, по словамъ Теологовъ: sed non ad hanc....

Какъ бы то ни было, но можно ли совершенно понимать перемены нашихъ нравовъ, и не извинять ихъ въ непосредствѣ? Они, можетъ быть, подобны приливамъ и отливамъ морскимъ. Что касается до меня, то безъ сомнѣнiя я желалъ бы лучше, чтобъ обо мнѣ говорили, что я хватаю съ неба звѣзды.— въ чемъ ~~нѣтъ ни стыда, ни грѣха~~ — нежели по доброй моей волѣ вмѣшавшись въ такое обстоятельство, гдѣ есть и то и другое.

Но дѣло не въ томъ; возвратимся къ своему предмету. При первомъ моемъ взглядѣ на мона-

ха, рѣшился не давать ему ни одного солда. Я завязалъ кошелекъ, и опустивъ его въ карманъ, приблизился къ нему съ бодростью. Я думаю, что на лицѣ моемъ изображалось нѣчто непріятное и суровое. Образъ его по сію пору живо представляется въ глазахъ моихъ, и онъ заслуживалъ — какъ мнѣ помнился — лучшаго пріему. Судя по плѣшивой его головѣ и по малому количеству сѣдыхъ волосъ, изрѣдка на ней торчащихъ, можно было думать, что ему лѣтъ семьдесятъ; а поживости его глазъ — копорыхъ еще не могло помрачить долготѣніе — не лзя было больше дать шестидесяти. Можетъ быть

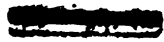

истина была на самой срединѣ, то есть: что онѣ имѣлѣ лѣтъ шестьдесятъ пять. Вся его физіогномія въ томѣ удостовѣряла, за исключеніемѣ морщинѣ, которыя могутъ бытъ и преждевременно.

Голова его была похожа на голову, обработанную животворной кистію Гвидо. Она изображала смиреніе и блѣдность. Въ ней не было совсемѣ того невѣжества, которое раждаетъ высокоуміе; глаза его, если и пошуплялись въ землю, то казалось для того, чтобѣ разсмотрѣтъ, что дѣлается подѣ нею. Богѣ знаетѣ, какою чудесною силою зашла эща голова

на плеча монаха, къ томужь — и Францисканскаго ордена! Она гораздо бы лучше пристала какому нибудь Брамину; но передѣлать уже не возможно: шуловище монаха имѣло такую голову; и я — воздалъ бы ей честь, еслибъ она мнѣ попалась на лугахъ Индоспанскихъ.

Остальная его наружность была обыкновенная: всякой живописецъ намалевалъ бы её. Въ ней — такъ какъ въ характеръ и выраженіяхъ его, не заключалось ничего пріятнаго и ничего отвратительнаго. Станъ его былъ бы выше посредственнаго, если бы онъ не наклонялъ его впередъ.

Эшо была уловка монаха, обрешагося скишашься по мїру; и какъ теперь помню, горбатая фигура его дѣлала ему больше добра, нежели худа.

Пересшупивъ шага два черезъ порогъ, онъ прижалъ лѣвую руку къ сердцу, а правою оперся на свой дорожной костыль. Въ такомъ положенїи началъ онъ мнѣ проповѣдывать о нищенствѣ монастырской, а особенно — о своей братїи.

Онъ объяснялъ всѣ нужды такимъ естественнымъ, прїятнымъ, униженнымъ образомъ, что надобно бышь околдовану, чшобъ не почувсшвовашь надъ нимъ соспраданїя.

Одно только шо можетъ оправдать мою нечувствительность, что я — уже прежде рѣшился не давать ему ни сольда.

Г Л А В А IV.

Причина раскаянія.

Вѣрю, свяшой Опецѣ! вѣрю вашему убожеству, сказалъ я ему въ опивѣшѣ на его глаза, копорые по окончаніи своей проповѣди возвелъ онѣ къ Небу. — Миѣ весьма пріятно бы было, ежели бы Богъ умилосердился надѣ скишающимися по мѣру; но того только бо-

юсь, чтобъ безпрестанные попрошайки не надобли Ему скоро.

При словѣ *попрошайки*, глаза его опустились на рукавъ рясы. . . . Краснорѣчіе мое довольно казалось убѣдительно. Признаюсь, продолжалъ я: что ваше плащье, которое вамъ дается на три года, хошя довольно жестко и недорого, но ~~со всѣмъ~~ ~~тѣмъ~~ крайне жалко распочать его на такихъ шунядцовъ, какъ монахи Францисканскаго ордена. Оно могло бы послужить для совершенныхъ нищихъ, для увѣчныхъ и дряхлыхъ. . . . Невольникъ, обремененный оковами, угнѣтающійся сво-

ею жизнью, помишся и ждешь
куска хлѣба. . . . Для чего вы не
ордена Милосердія, вмѣсто Св.
Франциска? Я сколько самъ ни
бѣденъ — какъ можете судить по
малоспи моего чемодана — но съ
величайшимъ удовольствіемъ вы-
нулъ бы изъ него нужное для по-
мощи несчастному. — Монахъ мнѣ
поклонился; а я продолжалъ:
бѣдные мои соотечественники имѣ-
ютъ преимущественное на то пра-
во. Какое множество оставилъ я
ихъ на берегу моего отечества! —
Онъ съ искренностію еще кивнулъ
головою, и казалось, будто мнѣ
давалъ знать, что во всемъ свѣ-
тѣ обитаетъ такая же бѣдность,

какъ въ его монастырѣ. Мы должны различать, говорилъ я держась за его рясу, въ намѣреніи опвѣчать ему на головной его знакъ должны различать хорошенько тѣхъ, которые достаютъ хлѣбъ трудами своими, съ тѣми, которые напрошивъ того живутъ праздно и насчетъ другихъ; и которые, питаясь именемъ Божіимъ, ничего не хотятъ работать.

Бѣдной Францисканецъ не дѣлалъ ни какого возраженія. Небольшой румянецъ заигралъ на щекахъ его; казалось, что истощенная природа не надѣлила его ни малѣйшей частичкою злобы; по

крайней мѣрѣ онѣ никакихъ ея слѣдовъ не показывалъ. Не видя успѣха въ своемъ предпріятіи, взялъ свой костыль подъ мышку, сложилъ обѣ руки, и — съ спокойнымъ духомъ вышелъ вонъ.

Г Л А В А V.

Полезьа отъ стряпчихъ.

Онѣ еще не успѣлъ притворить дверь, какъ сердце мое упрекнуло мнѣ въ моей жестокости. Трѣ раза покушался я принимать спокойной видѣ; но всѣ наговоренныя ему грубости кружили мою го-

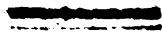
лову. Мнѣ уже поздно приходило на умъ, что я никакого болѣе не имѣлъ права надъ бѣднымъ монахомъ, какъ только не давалъ ему милоспину. И этакъ одинъ отказъ — безъ поношенія его чести — былъ бы ему довольно горешенъ. Я вспомнилъ сѣдые его волосы, благородную осанку, и мнѣ слышалось, будто онъ говоритъ мнѣ: что я вамъ сдѣлалъ? за что вы такъ сурово со мною поступили? — По чести я далъ бы на это время двадцать франковъ какому нибудь спрягчему, копорой бы могъ все это дѣло сладить: — Между тѣмъ я немного угѣшился. . . . Худо, говорилъ я

самъ себѣ : очень худо обошелся я въ самомъ началѣ моего путешествія ! — но я только что начинаю . . . со временемъ обѣщаюсь исправиться.

Г Л А В А VI.

Кале - постоваѣ коляска.

Я замѣшилъ , что чѣмъ мнѣе человекъ въ удовольствіи , тѣмъ болѣе расположенъ къ издержкамъ. Для ѣзды по Франціи понадобилась мнѣ кареша ; пѣшеходцы весьма въ худомъ почтеніи въ практикахъ. Я вышелъ на дворъ , и въ ожиданіи карешы хотѣлъ купить

или наняшь одноколку, которыхъ тамъ было много, какъ вдругъ поналась мнѣ въ глаза одна старая почтовая коляска, споявшая въ самомъ заднемъ углу; и я съ радости вскочилъ въ нее. Она была покойна и мнѣ очень показалась. Я приказалъ позвать къ себѣ Г. Десейна, хозяина того дома; но его не было, онъ пошелъ къ вечернѣ. Это меня раздосадовало: я бы пошчасъ могъ кончить съ нимъ торгъ. . . . Не имѣя охоты дожидаться его въ коляскѣ, хотѣлъ выйти вонъ, какъ увидѣлъ — на другой сторонѣ двора — монаха, разговаривающаго съ какою-то не давно прибывшею барынею.

Мнѣ не хотѣлось показаться ; я сѣлъ опять , и задернулъ тафшяную занавѣску. Но что дѣлать въ коляскѣ ?— Я позадумался , и вспомнилъ , что я хочу писать свое путешествие. Чтожь помѣшаетъ мнѣ здѣсь приступить къ предисловію ? Я вынулъ изъ кармана изломанной карандашъ — и началъ

Г Л А В А VII.

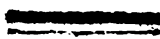
Предисловіе въ подготовкой коляскѣ.

Я не сомнѣваюсь, чтобъ какіе нибудь философы , послѣдователи

Аристотелю , или другіе , не могли сдѣлать наблюденія , что Природа въ свое ушѣшеніе — но къ неудовольствію чловѣка — устроила во всемъ порядокъ. Что принадлежитъ до меня , я очень это замѣнилъ ; и мнѣ кажется , что Природа дѣйствуетъ на чловѣка , какъ не лзя лучше. Что можеть бышь справедливѣе , какъ заспавишь его трудиться для его же собспвенныхъ нуждъ ? Она дала ему способы сносить съ легкостію свое бремя , копорымъ во всякомъ возрастѣ и во всѣхъ спранахъ свѣта чловѣкъ сильно угнетаемъ. Не смотря на то , часто намъ случается искать счастія далѣе

нашихъ предѣловъ ; но затрудненіе въ объясненіи, малое свѣденіе, слабость въ выраженіяхъ , разность въ воспианіи , нравахъ , обыкновеніяхъ— все это предполагаетъ непреодолимое препятствіе къ изліянію нашихъ чувствованій, и слѣдственно — къ достиженію желаемаго.

По сему заключить можно , что всякой путешественникъ подверженъ многимъ невыгодамъ. Онъ часто принужденъ бываетъ прашиться безъ всякой необходимости , и бездѣльные вещи покупать за дорогую цѣну. Какое множество бѣдствій , встрѣчающъ

сверхъ того на каждомъ шагѣ бѣднаго странника!

Это разсужденіе сближаетъ меня съ моимъ предметомъ; и ежели не будетъ мнѣ прямо въ коляскѣ, я открою причины, побуждающія къ путешествію.

Праздные люди, уѣзжающіе въ чужестранныя государства, бывающіе къ тому принуждены тремя главными причинами:

Тѣлесною немощію;

Слабостью разсудка;

Необходимую надобностію.

Путешественники, изгнавшіе добровольно себя изъ опечесства отъ гордоспи, любопытства, тщес-

славія, или отъ мрачности нрава, принадлежатъ къ двумъ первымъ причинамъ.

Третьй классъ вмѣщаетъ въ себя шьму пилигримовъ, или лучше сказать: мучениковъ. Таковымъ-по образомъ путешествующъ монахи всякаго ордена, съ письменнымъ увольненіемъ отъ Настоятеля; шаковымъ-по образомъ спасаютъ себя преступники отъ определеннаго наказанія. Счастливые сыны семейства, любезные своевольники! не такимъ ли манеромъ и вы пускаешесь въ странствіе, побуждены будучи къ тому жестокостію вашихъ родителей, возражающихъ

вамъ гибнуть въ вашихъ развратныхъ удовольствіяхъ?

Но я едва не забылъ четвертой классъ. Не возможно въ такомъ сочиненіи сохранить всю нѣжность. . . . Путешественники эти переплываютъ моря и живутъ въ чужихъ краяхъ для того, чтобы сдѣлать тамъ свое счастье, или чтобы меньше прожить, какъ въ своемъ отечествѣ. Самое живѣйшее воображеніе не можетъ постигнуть разнообразія ихъ предлоговъ. Можетъ быть они избѣгаютъ лишнихъ заботъ, уѣзжая изъ своего Государства. . . . Никакое мученіе не остановитъ ихъ отъ всемірнаго разсѣянія. Поелику при-

чины ихъ путешешествія не одинаковы съ причинами другихъ путешешественниковъ, но я опишучу ихъ только шишуломъ простыхъ.

Слѣдующимъ образомъ раздѣляю я ихъ всѣхъ вообще:

Путешественники праздные.

Путешественники любопытные,

Путешественники лжецы,

Путешественники гордые;

Путешественники тщеславные;

Путешественники чурюмые.

По томъ :

Путешественники по неволѣ,
монахи, бѣглецы и проч,

Путешественники незинные и невсчастные.

Путешественники простые.

Наконецъ, есѣли вамъ угодно : *путешественники густые*. Въ этомъ — по классѣ мнѣ самому бышь хочешся. Я намѣренъ дашь отчетъ въ моихъ путешествіяхъ. Есѣли спросятъ : для чего я путешествую ? Я скажу съ охотою ; у меня нѣтъ ничего закрытаго : я шакую же къ тому имѣю необходимость, какъ и всякой другой.

Я знаю, что примѣчанія мои совсѣмъ другаго разбора съ примѣчаніями моихъ предшественниковъ, и что я могъ бы помѣщенъ бышь въ особенномъ списокѣ ; но желая обратишь на себя вниманіе, дол-

жно прежде присвоишь себѣ право тщеславнаго путешественника. Я оставляю это до основанія гораздо лучшаго, нежели то, которое сдѣлано въ моей коляскѣ.

Чашпель мой, если когда нибудь спрансповалъ — можешь самъ себя помѣстить въ такой классѣ, въ какой заблаго-разсудишь. Для этого не нужно ему много знать, ни размышлять долго. Такое помѣщеніе будетъ первымъ шагомъ къ познанію самого себя, и я, не смотря на его спранспвіе, готовъ биться объ закладъ, что въ немъ еще много осталось шариннаго.

Тотъ , которой изъ Бургонїи прежде всѣхъ перенесъ виноградныя лозы на мысъ Доброй Надежды , конечно никогда не воображалъ — хошя былъ и Голланецъ — что онъ будетъ шамъ пить такое же вино , какое пивалъ на ошлогоспяхъ Бона и Помара. Флегматическое расположенїе не допускало его предвидѣнїя такїя собышїя ; однакожь онъ не опчаявался пить на мысъ Доброй надежды , что нибудь на шо похожее. Онъ зналъ , что это не ошъ него зависитъ , а ошъ времени , которое можетъ споспѣшествовать его намѣренїямъ , или — изровергнушь ихъ. Между тѣмъ

онъ ожидалъ лучшей удачи. Но Ванмингеръ легко могъ бы ошибиться въ своихъ предположеніяхъ, могъ бы разрушить прежній свой виноградный садъ, и быть — людскимъ посмѣшищемъ.

Похожее на то случается и съ бѣднымъ путешественникомъ, который разбѣзжаетъ на кораблѣ, или проскакиваетъ на почтовыхъ всѣ просвѣщеннѣйшія Государства для пріобрѣтенія разныхъ познаній.

Хотя и можно, рыская по всему свѣту, нѣкогда успѣть въ своемъ исканіи, но по большой части на выдержку. Это еще мало, чшобъ только чему нибудь

научиться ; надобно умѣть пользоваться знаніями. По несчастію всѣ эти выгоды чаще обращаются на выворотъ. Судя по тому заключаю , что человекъ , могъ бы прожить весьма покойно въ своемъ Государствѣ , не обременяя свою голову посторонними ученіями , а наипаче тогда , какъ онъ и нужды въ нихъ никакой не чувствуетъ. Меня всегда бѣситъ , когда встрѣчается со мною любознательный путешественникъ , спранспвующій по свѣту за такимъ открытіемъ , которое могъ бы онъ , не топшавъ сапогъ , не хуже у себя дома сдѣлать. Просвѣщеніе—благодаря нашему вѣку — такъ

разпространилось , что почти нѣтъ въ Европѣ уголка , ко- шорой бы не былъ озаренъ его свѣтомъ и не имѣлъ сношенія съ другими. Много естъ и такихъ наукъ , за копорыя , какъ за пло- щадную музыку въ Италїи , ни- чего не плащятъ. Свидѣтель самъ Богъ, что я говорю безъ хваспов- спва, и Коему нѣкогда дамъ въ эшомъ опчешъ: что нѣтъ на зе- мли такого Государства, въ копо- ромъ была бы такъ сильна словес- ность ; въ копоромъ процвѣтали бы такъ много науки; въ копо- ромъ скорѣе и удобнѣе можно вы- учишься ; въ копоромъ всякія ху- дожества были бы такъ крѣпко

поддержаны и усовершенствованы; въ кошоромъ Природа могла бы бытъ такъ корорко познана; въ кошоромъ появлялись бы чаще Геніи... Здравствуйте, земляки! куда васъ Богъ несешъ?

Насъ? отвѣчали они: **никуда.** Мы смопримъ на коляску.— Покорной слуга, сказалъ я имъ, выпрыгнувши изъ ней и снявъ шляпу.— Одинъ изъ нихъ, какъ видно **любопытный путешественникъ**, говорилъ мнѣ, что они, примѣня качаніе коляски, захошѣли узнать тому причину.— Сб удовольствіемъ это колебаніе происходило отъ предисловія, которое я въ ней

писалъ.— Отъ предисловія? прервалъ другой, по примѣчанію моему *простой путешественникъ* — я отъ роду не слыхивалъ, чѣмъ можно было писать предисловіе въ почтовой коляскѣ! — Конечно, отвѣчалъ я: въ визави несравненно удобнѣе.

Чѣмъ за рѣдкостью, Англичанину смолчать на Англичанъ? — Я ушелъ въ свою комнату.

Г Л А В А VIII.

Невѣсткѣ на отместку.

Попуняя голову, расхаживалъ я по коридору, какъ вдругъ какая-то шѣнь, несравненно огромнѣе

моей, зашла на дорогу. Я взглянул, и увидел Г. Десеина, возвратившагося опѣ вечерни. Прижавъ къ груди свою шляпу, учпивымъ образомъ спрашивалъ меня: на что я его къ себѣ звалъ? — Предисловіе мое поселило въ меня какую-то ненависть къ этой коляскѣ; мнѣ уже хотѣлось имѣть совсѣмъ другимъ манеромъ. Г. Десеинъ говорилъ мнѣ объ ней съ нѣкопорою ужимкою, давая разумѣть, что она для меня не годится. — Я тотчасъ догадался, что эта коляска принадлежала какому нибудь бѣдному страннику, кошорой, положившись на добрую душу Г. Десеина, повѣрилъ ему

ее продать. Четыре мѣсяца, какъ споймѣ она неподвижно вѣ заднемѣ углу сарая. Тамъ — прокашась по цѣлой Европѣ — опредѣлила ей судьба кончить бѣгѣ свой. Бѣдная! она не могла безѣ починки ни шагу со двора сдѣлать сѣ того времени, какъ разшиблась сѣ горы Сенисѣ. Всѣ ея приключенія никого не приводили вѣ жалость, и праздное опдохновеніе вѣ карешномѣ сараѣ Г. Десейна не дѣлало ей никакой пріянности. Можетѣ быть она заслуживала лучшую участь... можетѣ быть принадлежала она какому нибудь несчастливцу... Когда есть способъ облегчить бремя однимъ сло-

вами, не ужьли сыщешся такое чудовище, которое и въ эщомъ откажешъ спраждущему?

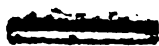
Ежели бы я былъ на вашемъ мѣспѣ, сказалъ я Г. Десейну, ушкнувъ пальцами въ его брюхо: пошъ одного спыда сбылъ бы съ рукъ эдакою коляску. Мнѣ кажешся, что всегда, какъ вы ни подходише къ ней, она вамъ дѣлаешъ упреки.

Клянусь Богомъ, милоспивый государь! что мнѣ барыша ошъ ней нѣшъ ни на волосъ. — Выключая того, прервалъ я, который люди ошличнаго смысла получаюшъ ошъ собственныхъ своихъ чувспвованій. —

Я очень увѣренъ, что человекъ, принимающій участіе — Переспаньте, сударь, дѣлашся чувствительнымъ; я васъ такъ знаю, какъ цѣлой вѣкъ жилъ съ вами. Приходило ли вамъ когданибудь въ голову, что васъ самихъ можетъ заспигнуть ненастная ночь? Или вы такъ же чувствуете, какъ и коляска?

Я примѣшилъ, что если Англичанинъ начинаешъ выговаривать еще не въ самую бровь, то онъ не такъ сердитъ. Французъ такою бездѣлкою не уколешъ. — Г. Десейнъ мнѣ поклонился.

Конечно, сударь, вы правду изволише говорить, но въ эшомъ

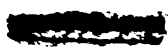
случаѣ, я однѣ хлопоты промѣняю на другія, и гораздо худшія. Посудите, если я вамъ продамъ коляску, которая на половинѣ дороги разобьется въ дребезги; посудите какое о себѣ подамъ я мнѣніе такому разумному и рассудительному барину?

Какъ аукнешся, такъ и опкликнешся. Дѣлать нечего! надобно было проглотить пилюлю. — Я поклонился Г. Десейну, также какъ и онъ мнѣ; и не говоря ни слова болѣе о слѣдствіяхъ совѣспи, пошли мы въ его каретной сарай, выбирать другую коляску.

Г Л А В А IX.

Кале - улица.

Обитаемой нами шаръ похожъ на сварливую старуху. Вѣроятно ли, чтобъ какую нибудь бездѣльную одноколку не лзя было безъ того купить, чтобъ не надѣлать такого шума, какой бываетъ у старыхъ бабъ на улицѣ? Стоило только сказать послѣднюю цѣну, и все бы кончилось. Я смотрѣлъ на хозяина моего съ такою злобою, какъ будто бы шелъ въ *Гвид-Паркъ* съ нимъ драться. Я не слишкомъ мастеровато управлялъ шпагою, поному и не хотѣлъ

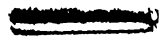
испытывать искусства Г. Десеина
 Но это не воспринимало мне
 чувствовать все те ощущения,
 которые в таких случаях
 иметь надобно.

Я осматривал его быстрыми
 глазами; смотрел на него сбо-
 ку, потом прямо в лицо; по-
 казался он мне Жидомъ, по-
 Туркомъ. Парикъ его мне оп-
 менно не понравился. Я заклинал его
 всеми Святыми убирайся отъ
 меня къ дьяволу.

Споишь ли за дрянъ надры-
 вать такъ свое сердце? Что зна-
 чишь при лишнихъ лудора? . . .
 Страсъ гнусная! сказалъ я опво-
 рощаясь съ спремшельноспцю, свой-

ственною такому человеку, который мгновенно переменяешь свою мысль с прасъ гнусная и презрительная! ты водворяешь брань между людьми; они должны бы гнушаться побою!

Боже меня избави! вскричалъ кто-то позади меня. Я обернулся— и увидѣлъ эту барыню, которую монахъ подвѣпилъ на дворѣ. Мы и не примѣтили, что она шла за нами.— Сохрани васъ Богъ отъ того, сударыня! сказалъ я, подавая ей руку. Черныя шелковыя перчатки не закрывали маленькихъ пальчиковъ; она безъ всякой церемоніи ее приняла— и мы пошли въ карешному сараю.

Чортъ возьми эти проклятые ключи! кричалъ Г. Десейнъ; и сколько ни прилаживалъ, ключи были не шѣ. Мы не менѣе его спѣшили войти въ сарай. Успре- мивъ на него все мое вниманіе, совсѣмъ забылъ, что рука барыни по сію пору была въ рукѣ моей. Не находя настоящаго ключа, Г. Десейнъ оставилъ насъ въ томъ же положеніи, божась, что онъ черезъ пять минутъ прибѣжитъ назадъ.

Иногда и въ пять минутъ можно наговорить больше, нежели говорящъ цѣлой вѣкѣ на улицѣ. Тамъ судятъ о дѣлахъ постороннихъ... Но если глаза успре-

млены на одинъ предметъ, и споянъ на немъ неподвижно, тогда изъясняющся языкомъ особеннымъ, языкомъ сердца. Въ такомъ - по положеніи былъ я; шупъ и минута молчанія надѣлала бы шьму пакостей барыня непременно бы опъ меня ушла. Предохраняя себя опъ бѣды, шопчасъ началъ я разговоръ.

Я не для шого пишу, чшобы оправдать слабости моего сердца. Пупешешвенникъ долженъ бышь справедливъ въ своихъ повѣствованіяхъ, и я изображу все шогдашнее мое сосшоянїе.

Можешъ бышь скажутъ, что я описываю его очень просто. —

Какая нужда дѣлать прикрасы шамъ, гдѣ нѣтъ надобности?

Г Л А В А X.

Кале— каретной сарай.

Я прежде уже сказалъ, что мнѣ не хотѣлось выходить изъ коляски тогда, какъ увидѣлъ монаха, бесѣдующаго съ прїѣзжею барынею; сказалъ справедливо, но не совсѣмъ. Пригожій ее видъ подѣйствовалъ надо мною столько же, какъ и надъ монахомъ, если только не болѣе. Я боялся, чтобъ онъ ей не пересказалъ о моемъ угощеніи. Это до безконечности меня дорого. Я дорого заплашилъ бы

за упо, чтобъ монахъ цѣлой день не выходилъ изъ своей кельи.

Когда сердце упреждаетъ разумокъ, то послѣдній избавляется многихъ хлопотъ. Мнѣ казалось, что она имѣла красоту Ангельскую; а всякая красота привлекаетъ вниманіе. Но въ иное время новой предметъ приводитъ въ забвеніе старой. Опустивъ занавѣску, я началъ писать предисловіе, и барыня исчезла съ своею красотою. Я не думалъ объ ней больше. Но встрѣча моя съ нею возобновила во мнѣ прежнее впечатлѣніе. Ошкровой и скромной ее видъ, съ которымъ подала она

мнѣ руку, удостовѣрялъ меня, что она хорошо воспитана и имѣетъ нѣжныя чувства. Провождая ее, ощущалъ я какую-то необыкновенную опраду.

Съ такимъ товарищемъ, подумалъ я, не скучилось бы мнѣ объѣхать весь свѣтъ!

Мнѣ не удалось еще видѣть ее лица. И какая нужда? я уже списалъ ее портретъ. Воображеніе мое нарисовало такую головку, какая бываетъ ли и у самихъ богинь. О мечта! какою чародѣйственною силою обольщаешь ты нашъ разумъ! сколько разъ въ одинъ день перемѣняешь ты пре-

лестныя твои картины? и всегда съ такою пріятностію, съ такою уловкою, съ такимъ блиспаніемъ, что по истиннѣ жалко съ тобою разстаться.

Подходя къ каретному сараю, она сняла съ себя покрывало, и я увидѣлъ женщину лѣтъ двадцати шести, свѣшлорусую, пригожую, не наумяненую, не пудреную, и весьма проспо причесаную. Если разбирать подробно черты ея, то она не покажется красавицею; но въ ней было что-то такое, кошорое, въ тогдашнемъ разгоряченномъ моемъ воображеніи, чрезвычайно меня плѣняло. Одна-кожъ она имѣла видъ величавый

и казалась вдовою, преодолевшею жестокую гореснь, и попомъ ушедшею. Но все это ничто иное, какъ только одна моя догадка. Впрочемъ тысяча другихъ несчастныхъ обстоятельствъ моглибъ оставить такіе же слѣды на ея лицѣ... Мнѣ опмѣнно хотѣлось знать исторію ея несчастій. Еслибъ не вышелъ изъ моды образъ разговоровъ, употребительной во времена Эдры, я потчасъ спросилъ бы у ней: что вамъ сдѣлалось? опъ чего такой унылой видъ? что васъ тревожитъ? что причиною вашего смяшенія?— Коротче: я писалъ бы къ ней неизъясни-

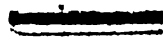
мое чувствованіе, и рѣшился бы всякими манерами за ней воло-
чипься.

Такимъ-то непредвидимымъ случаемъ предался я соблазну! До какой крайности могъ онъ довести меня! Мы были одни; рука ея была въ рукахъ моихъ, и безъ всякой нужды стояли прислонившись къ сараю.

Г Л А В А XI.

Вся еѣ разговорахъ.

Не правдали, сударыня, началъ я, приподнявъ тихонько ея руку: не правдали, что этотъ случай открываетъ чудесное предопредѣле-

ніе Судьбы? Безъ ея содѣйствія
возможноль было намъ— безъ со-
мнѣнія живущимъ въ различныхъ
углахъ земнаго шара— не видавъ
никогда другъ друга, сѣхашься
вмѣстѣ, съ такимъ припомъ дру-
жественнымъ расположеніемъ, ка-
кое едва ли въ цѣлой мѣсяцъ са-
мое короткое знакомство произве-
сти можетъ?— Правда, сударь! и
самое разсужденіе ваше показы-
ваетъ, сколько вы встревожены
этимъ случаемъ.

Я почувствовалъ всю мою
глупость. Да и въ самомъ дѣлѣ,
къ какой стати говорить о чуде-
сахъ Судьбы на счетъ шакого по-

ложенія, которое столько же выгодно, какъ и пріятно ?

Вы упрекаете Судьбу, продолжала она : и правильно дѣлаете. Никогда не надобно оспаривать сердце. Сказала— и вырвала свою руку съ такимъ взглядомъ, которой довольно хорошо исполковалъ мнѣ ея внутреннее волненіе.

Признаюсь : это меня много огорчило. Иногда несравненно важнѣйшія причины меня такъ много не разпрогивали. Опшншіе руки, такимъ несноснымъ образомъ, перзало мою душу. Никогда и никакая глупая опромешчивость не дѣлала мнѣ столько неудовольствія, какъ эша.

Но торжество надъ таковыми побѣдами, не бываетъ долго-временно. Сердце благонравной женщины скоро имѣ скучаетъ. Спустя пять или шесть секундъ, явленіе перемѣнилось: она оперла на меня свою руку, какъ будто хотѣла что-то говорить; и я, не зная какою волшебною силою, очутился въ прежнемъ своемъ положеніи. Сколько ни ждалъ ея словъ, но не могъ дожидаться.

Замѣтя изъ ее отвѣта довольно много оспропы и важную мою въ ней ошибку, я далъ пощасъ другой оборотъ глупому моему привѣтствію. Она взглянула

миѢ въ лицо; я сдѣлалѢ то же, и на немѢ уже не было прежней краски. ВсѢ чершы ея спали ши-хи, и я опяшь увидѣлѢ на нихѢ печашь горести, кошорая сѢ нача-ла меня поразила. КакѢ шяжело смошрѣшь на шакую умную, нѣж-ную женщину, снѣдаемую печалію! Сердечно жалѣлѢ я о судьбѢ не-счастной. МожешѢ бышь смѣшно покажешся чувствительному серд-цу, когда скажу, что въ сію минушу согласился бы я взять ея на ру-ки, и безѢ всякаго спыда, хо-пябѢ шо было на большой ули-цѢ, прижашь къ груди своей.

Пальцы мой сжимали механи-чески ея руку, и сильное бѣеніе

моихъ жилъ давало ей знать о возмущеніи моей души.

Я боялся, чшобъ въ это безмолвіе она ощушительнѣе не почувствовала давленіе моей руки; я боялся, чшобъ она еще не опняла ее— не для шого, чшобъ шолько опняшь, но для шого, что могло опять пришши ей на мысль неосторожное мое обьясненіе. Я прибѣгнулъ къ небольшой хипроси, послѣднему средству, предохра-нишь себя опъ грозящей опасно-сти. Я развелъ мою руку, и держалъ ее шакъ слабо, какъ будшо бы мнѣ въ ней не было никакой надобности. Лукавшво мое уда-лось; она не опнимала ее прочь до

тѣхъ поръ, пока не явился къ намъ Г. Десейнъ съ ключами. Провалъ его побери! какъ онъ былъ досаденъ! мнѣ оянь пришелъ въ голову проклятой монахъ, копорой, казалось, пересказалъ ей обо мнѣ все до крошки. Я выдумывалъ, какимъ бы образомъ себя оправдашь.

Г Л А В А XII.

Кале — табакерка.

Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ легкокъ на поминъ. Доброй старой монахъ въ чепырехъ шагахъ стоялъ за нами. Онъ съ робоспїю подходилъ ближе, какъ бы боялся надоѣсть

собою. Наконецъ приближился: онъ, держа въ рукахъ роговую табакерку, отъ добраго сердца подчивалъ меня табакомъ.— Понюхайте моего, сказалъ я ему, подавая свою черепаховую.— Славной табакъ! отвѣчалъ онъ мнѣ.— Оставьте же его у себя и съ табакеркою, на память того человѣка, копорой принялъ васъ очень грубо, и копорой по чести не желалъ вамъ зла.

Лицо старика сильно загорѣлось. Клянусь Творцомъ, говорилъ онъ сжимая свои руки: вы никогда не были прошивъ меня грубы.

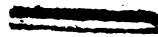
О! за это и я опивѣчаю, сказала барыня: что онѢ не способенѢ сдѣлать грубость...

Пришла и моя очередь краснѣть... А опѢ чего? оставляю на догадку чувствительнымѢ.

АхѢ! просшите меня, сударыня! я виновашѢ, очень виновашѢ передѢ нимѢ...

—Невозможно! прервала она.— Точно такѢ, сударыня! вскричалѢ монахѢ совсѣмѢ другимѢ голосомѢ: это произошло опѢ моей ошибки, опѢ моей нескромности...

Барыня не вѣрила его признанію; я взялѢ ея сторону, утверждая, что такой честной спарикѢ не сроденѢ никого огорчить.

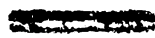

До сего времени не зналъ я, чтобъ споръ, могъ произвести такое жестокое волненіе. За споромъ послѣдовало молчаніе; но однакожь намъ не шакъ было скучно, какъ бываетъ въ какомъ нибудь собраніи, когда всѣ замолчатъ.

Монахъ постиралъ шабакерку свою о рукавъ рясы. Какъ скоро навелъ на нее небольшой глянecъ, то поклонясь сказалъ мнѣ: что лучше забыть обо всемъ прошедшемъ... И какъ бы то ни было, сударь! я всепокорнѣйше прошу васъ, приняшь мою шабакерку на обмѣнъ вашей. Онъ подалъ мнѣ ее съ чистымъ удовольствіемъ; а мою по-

цѣловавъ положилъ въ карманъ — и ни слова не говоря, ушелъ отъ насъ.

Табакерка его и шеперь у меня цѣла. Она подкрѣпляетъ мою вѣру, и вспомошествоуетъ моему разуму возвышаться превыше всего брэннаго. Я ношу ее всегда съ собою. Она напоминаетъ мнѣ о смиреніи и умѣренности ее сраго хозяина, кошораго при всякой прискорбной встрѣчѣ поспавляю себѣ примѣромъ. Бѣдный! онъ испыталъ ихъ множесшво. Жизнь его — какъ послѣ я узналъ — была сцѣвленіе различныхъ горестей. Онъ переносилъ ихъ до сорока пшши лѣшъ, и пошомъ, удру-

ченый прискорбіями, разстрога-
ный челоуѣческою неблагоуарноспію,
испытавшій вѣроломство обожа-
емой имъ женщины, онъ опказал-
ся опъ свѣта, опказался опъ пре-
краснаго пола — и обрашился къ
свашилицу, или — къ самому себѣ.

Я не могу вспомнишь безъ
сердечнаго соболѣзнованія, когда
возвращаясь вѣ Калѣ узналъ, что
добрай монахъ Лорензо нѣскольکو
уже мѣсяцовъ умеръ. Онъ погре-
бенъ былъ на небольшомъ клад-
бищѣ, вѣ двухъ верспахъ опъ
города. Я захопѣлъ поклонишься
его гробу, и сѣвъ на камень —
подъ копорымъ покоился прахъ
усопшаго — оборвалъ около его ра-

спущую крапиву, и сморщилъ на шабакерку. Такое зрѣлище столь сильно попрясло мои чувства, что слезы ручьемъ полились изъ глазъ моихъ. Какая слабость! — Чпо я въ дѣлашь? я шакъ слезливъ, какъ женщина. — Я желалъ бы лучше, чтобъ о мнѣ пожалѣли, нежели осмѣяли нежность мою къ ошцу Лорензу.

Г Л А В А XIII.

П о б ѣ д а.

Между тѣмъ я не выпускалъ прекрасную руку. Мнѣ казалось, крайне неучливо выпустить ее безъ

поцѣлуя; и я— опважился. О Бо-
же! какое чудесное дѣйствіе!
Природа! какое заключаешь ты
въ себѣ волшебное, непоспимое
могущество!

Въ ту самую крипическую
минушу, оба путешественника, раз-
говаривавшіе со мною на дворѣ,
подошедъ къ намъ, сочли насъ
безъ сомнѣнія за мужа съ женою,
или— на то похожее.

Не завпра ли упромъ выѣде-
те вы въ Парижъ? спрашивалъ
насъ любопытный путешествен-
никъ.— Я ни за кого, кромѣ себя,
опвѣчать не могу, сказалъ я ему.
— А я поѣду въ Аміенъ, приба-
вила барыня. Мы вчера тамъ объ-

дали. Вамъ не лъзя миновать эшотъ городъ, проѣзжая въ Парижъ. — Я хошѣлъ было поблагодарить его за увѣдомленіе, что Аміенъ на большой дорогѣ, но — вынувъ монашескую шабакерку, понюхалъ шабаку, и поклонясь имъ хладнокровно, пожелалъ благополучнаго пути въ Дуврѣ. — Мы остались окяшь одни.

Не ужь ли я дурно сдѣлаю, думалъ я, если предложу эшой огорченной женщиѣ занять половину моей коляски? Какая будетъ отъ эшого бѣда?... Какая бѣда! вскричали вдругъ всѣ возбуждшіяся во мнѣ гнусныя спраши.— Развѣ ты позабылъ, гово-

рила *скудость*, что надобно будешь нанять прешью лошадь, и испрашить на это болѣе двадцати франковъ?

Ты еще не знаешь ее корешко, жузжала мнѣ вѣ уши *осторожность*.— Не знаешь и хлопотъ, до которыхъ можешь она довести тебя! кричала *трусость*.

На вѣрное можешь положить, Йорикъ, прибавила *скромность*, что ее назовутъ своею любовницею, съ кошорою познакомился ты вѣ Калѣ..

Какъ можешь ты послѣ того показаться вѣ общество? какія можешь ты говорить проповѣди?

Чѣмъ опличишься ты опъ про-
стаго дьячка? Такъ вопрошали
меня грозно *лицемѣріе*, *подлость*,
и *гордость*.

Но... опвѣчалъ я имъ всѣмъ:
это... это будетъ съ моей спо-
роны похвальное и благородное дѣ-
ло!— Я дѣйствую всегда по пер-
вому спремленію моего сердца; а
впрочемъ — я никогда не слу-
шаю такихъ разсужденій, кото-
рые ожеспачающъ сердца.

Я оборотился къ знакомкѣ,
но— ее уже не было: она такъ
тихо опъ меня уплелась, что я
и не слыхалъ того; а между тѣмъ,
какъ происходилъ мой споръ и я

одерживалъ побѣду; она— уже прошла шаговъ двадцать. Я побѣжалъ за нею, съ намѣреніемъ сдѣлать ей учтивѣйшее предложеніе... Но она, прислонивъ къ щекѣ руку, съ пошупленными глазами, шла медленно въ глубокой задумчивости.— Меня эшо удивило; я оспанился.— Не о томъ ли и она думаетъ, о чемъ думалъ я? Помоги ей Боже! говорилъ я самъ себѣ: у ней безъ сомнѣнія есть злая мачиха, или лукавая шепка, или какая нибудь вздорная свекровь, у которыхъ спрашиваетъ совѣту въ своемъ намѣреніи... и она такъ же разсуждаетъ, какъ и я...

Не надобно прерывать вдругъ
 ея мысль. Я уклонился пошхонь-
 ку въ сторону, и прошелъ раза
 два при мимо каретнаго сарая.

Г Л А В А XIV.

Открытие.

Воображеніе мое не польстило
 мнѣ. Прелести ея столько были
 привлекательны, что не нарушая ни
 мало справедливости, можно бы было
 помѣстить ее между существами
 наилюбезнѣйшими. Я вспомнилъ, что
 она была вдова — вдова огорченная;
 вспомнилъ — и ничего уже болѣе
 воспоминашь не хотѣлъ. Эта мысль

до безумія меня восхищала. Я бы хотѣлъ не забывать ее цѣлой день; я бы хотѣлъ никогда съ нею не разлучавься!

Но минуша разлуки нашей, можешъ бышь, была близка опѣ насъ. Она не опошла еще двадцати шаговъ, какъ пожелалъ я узнать скорѣе все обстоятельство. Мысль о разлукѣ, и можешъ бышь — вѣчной, пронула меня до слезъ. Могло, очень ешашъся, что я никогда не увижусь съ нею. Какія средства ни предпологало мое сердце, но всемъ пѣмъ я не предвидѣлъ никакой себѣ опрады. Мнѣ хотѣлось освѣдомишься о ея имени, о

ея фамиліи , о ея состояніи
Я зналъ , куда она ѣдетъ ; но же-
лалъ знать , откуда прїѣхала ?
— Какъ же до того добрашься ?
Тысячи преградъ удаляли мое по-
кушеніе ; и всякой вопросъ счи-
талъ я слишкомъ колкимъ для
ея нѣжности . По крайней мѣрѣ
мнѣ это казалось невозможнымъ .

Я скоро узналъ , что невоз-
можное для одного , бываетъ
очень возможно для другаго . Ка-
кой-то Французской Офицеръ ,
очень спашной собою , проходя
мимо насъ , или , лучше сказать :
перепрыгивая на одной ногѣ ,
доказалъ мнѣ эту истину .

Въ самое то время, какъ мы подошли къ карепному сараю, онъ подскочилъ къ намъ, и сдѣлавъ мнѣ небольшое привѣтствіе, просилъ меня познакомиться его съ барынею. — Я и самъ не имѣю чести ее знать, сказалъ я ему. — Ошвѣтъ мой не ошановилъ его: онъ и безъ меня съ нею познакомился. — Вы конечно, сударыня, пріѣхали изъ Парижа? спросилъ онъ ее. — Нѣтъ, сударь! а только ѣду по этой дорогѣ. — Не изъ Лондона ли? — Нѣтъ, сударь. — О! такъ безъ сомнѣнія изъ Фландрии? — Такъ, сударь. — Можетъ быть изъ Лиля? — Нѣтъ? сударь. — Не изъ Аррасали? не изъ Кам-

брая ли? не изъ Ганда ли? не изъ
Валенціи ли? не изъ Брюкселя ли?—
Такъ, сударь!

О! мнѣ Брюксель коротко
знакомъ. Я былъ при его осадѣ.
Какое смущенное было тогда время!
Признашья надобно: это мѣсно
разположено къ тому удивитель-
но. Я очень помню: этогъ го-
родъ — въ ту пору, когда Фран-
цузы прогнали Цесарцовъ — биш-
комъ набитъ былъ Дворянами. —
Барыня поклонилась ему легонько.
Онъ рассказалъ ей много о тог-
дашнихъ своихъ подвигахъ; про-
силъ ее сдѣлать ему милость,
объявить о своемъ имени; и не
успѣвъ выслушать ее ошвѣта,

продолжалъ: позволѣте, сударыня, спросить васъ, есть ли у васъ мужъ? или вы вдова? Сказалъ — и не дождавшись опяшь отвѣта, носкакалъ на одной ногѣ въ слѣдъ за своими шоварищами.

Я разсмапривалъ его очень пристально. Худо, подумалъ я, очень худо учили меня въ ребячесивѣ общежитію! Хоть убѣй до смерти, но право я эшого не умѣю сдѣлать.

Г Л А В А XV.

Другой воспользовался бы.

Г. Десейнъ, разговаривая съ кѣмб-шо въ недалнемъ ошъ насъ раз-

стоянїи, подошелъ къ намъ съ ключами и отворилъ каретной сарай.

Первый предметъ, представившійся моимъ глазамъ, была прескаредная дорожная коляска, шочь въ шочь такая же, въ которой я писалъ предисловіе, и кошорая, за часъ прежде, мнѣ опмѣнно нравилась. Она была самой шолорной рабошы, кошорую мастерилъ какой нибудь деревенской мужикъ. Я воображалъ, чшо и шѣ, кошорые поѣдутъ въ ней, немного сдѣлаютъ себѣ чесши.

Барыня также съ презрѣнїемъ на нее взглянула. Г. Десейнъ примѣшивъ эшо, повелъ насъ къ

къ другой, которую началъ хвалить
изо всѣхъ силъ. — Милордъ В*,
сказалъ онъ, заказалъ ее нарочно
для того, чшобъ обѣѣхалъ въ ней
цѣлой свѣтлѣ; но она не далѣе
была Парижа. Крѣпче новой, ба-
ринъ! — О! безъ всякаго сомнѣнiя,
Г. Десейнъ! отвѣчалъ я ему,
проходя далѣе къ прешей, ко-
торая мнѣ показалась лучше. Я
началъ ее торговать, а между
тѣмъ, отворяя дверцы, влѣзалъ
въ нее. — Тупъ шѣсно, сказалъ я:
не лзя помѣспитсья двоимъ. —
Помилуйте, милоспивый государь!
прервалъ Г. Десейнъ: сдѣлайте
милоспъ, сударыня! продолжалъ
онъ, подавая свою руку: извольте

сѣспь вѣ коляску. Нѣсколько секундѣ, барыня была вѣ нерѣшимости, но — наконецѣ взошла; и едва сѣла, какѣ Г. Десейнѣ, котораго кто-то кликнулѣ, вдругѣ прихлопнулѣ дверью, побѣжалѣ вонѣ, и оставилѣ насѣ двоихѣ.

Г Л А В А Х V I .

Признаніе.

Вотѣ что утѣшно! сказала сѣ улыбкою барыня. Вѣ другой разѣ судьба насѣ сводитѣ вмѣстѣ. Право, эшо очень забавно!—

Чегожь къ тому не доспа-
ешь, сударыня? Можешь спашься
въ одной только Франціи, смѣюш-
ся надь такими случаями: шамь,
гдѣ въ первой чась свиданія
открывающя въ любви; а во
второй, отдають себя во власть
любимой особѣ. — О! въ эшомь
они очень искусны, перехватила
красавица. — По крайней мѣрѣ шакь
полагають. Чшо касается до меня
— я съ шѣмь не согласенъ. Они
только умѣють щеславиться;
но способны ли ловить счастливую
минушу? Мнѣ кажется они не
великіе въ шомь масшера, и къ
терпѣнію Купидона больше при-
вычны, нежели другіе. —

Не ужли вы вѣрите, чшобъ они любили отъ чувсшва? —

Точно отъ шакого же, сударыня, какое бываетъ въ вѣшреныхъ мѣльницахъ.

Вдовушка слушала со вниманіемъ, и еще хощѣла слушашь.

Подумайте же, сударыня, продолжалъ я, положивъ руку мою на ее: подумайте, какъ различно люди судятъ о любви! Большая часть степенныхъ спариковъ гнушаюшся ею по одному ея имени; корыстшлюбцы ненавидятъ ее по шому, что привязаны къ деньгамъ; лицемѣры — пришворяясь занимающя вещи духовными — ее бояшся.

Изъ этого заключить можно, что мы больше устрашены, нежели оскорблены сею спраспїю. Если человекъ копорой молчалъ часа два, начнепѣ вдругъ объяснять свою спраспѣ, конечно онѣ покажется спраннымѣ — неловкимѣ. Между тѣмѣ, сударыня, подивитесь простотѣ моей: я думаю, что продолженіе небольшаго вниманія копорое дѣлается безѣ смяшенія, и безѣ всякаго повода къ презрѣнїю, какѣ на примѣрѣ: изрѣдка нѣжный взглядѣ, или самый крапчайшїй разговорѣ о этомѣ предметѣ. . . . Я думаю.... что Природа вмѣшается въ это

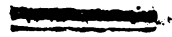
дѣло и обрабатываетъ все, какъ надобно.

А я, знаете ли какъ думаю, сударь? сказала барыня покраснѣвшись: что вы напѣваете о любви своей?

Г Л А В А XVII.

Нестастіе и стастіе.

Г. Десейнъ всегда на бѣду! — Сказашъ ли вамъ радость, сударыня? кричалъ онъ запыхавшись, отворяя двери: Графъ Л. . . . бращецъ вашъ пріѣхалъ. — Хошя всякая радость вдовушки была

пріятна моему сердцу, но признаюсь: Эпа — не весьма меня порадовала. Я не скрывать отъ нее моей горести. — Не во время господъ хуже Татарина! Если бы минушою позже, сказалъ я ей, я бы успѣлъ объявить вамъ мое предложеніе. —

Напрасно вы о томъ жалѣете сударь, прервала она, положа объ свои руки ко мнѣ на плеча: женщина съ нѣкоторыми чувствованиями почти всегда предузнаетъ намереніи мужчины. —

О, конечно сударыня! Всещедрая Природа, въ оборону невинности, наградила ее такимъ спасительнымъ даромъ.

Развѣ мнѣ угрожала какая
 нибудь опасность? Я этому не
 вѣрю, и скажу вамъ, сударь, от-
 кровенно: я согласилась бы на
 ваше предложеніе. . . . Она замол-
 чала. — Я увѣрена, продолжала она,
 что вы умѣли бы расположить
 меня къ нѣкоторому повѣспвова-
 нію, которое — изъ всѣхъ вспрѣшив-
 шихся на дорогѣ нашей случаевъ —
 сдѣлало бы сосраданіе самою
 опаснѣйшею добродѣтелью.

Сказавъ это, она протянула
 мнѣ свою руку. Я поцѣловалъ ее
 два раза, и вдовушка съ чувстви-
 тельнымъ, но благосклоннымъ ви-
 домъ разпрощалась со мною.

ГЛАВА XVIII.

Способъ примѣтать.

Лишь только она ушла, какъ смертельная грусть овладѣла всей моею душою. Время шло очень, очень медленно, и я, можетъ бытъ, въ цѣлой свой вѣкъ не за-ключалъ такъ скоро двенадцати-гинеюй торгъ какъ въ эту грустную минушу. Заплащя деньги за коляску, послалъ я за почповыми лошадьми, а самъ побрелъ въ свою комнату.

Боже! вскричалъ я, услышавъ, что ударило только чешыре часа: Великій Боже! возможно ль, чтобъ въ два часа — столь короткое вре-

мя, которое провелъ я въ Калѣ
 могли встрѣпшпся со мною ша-
 кїя приключенїя, копорыя едва
 ли упишешъ въ самой толстой
 книгѣ? Какая пространная маше-
 рїя для шакого человѣка, копорой
 разсмаприваетъ всякую вещь со-
 вниманїемъ, и не упускаетъ изъ
 виду ничего, что безпрестанно
 представляющъ ему и время и
 случай!

Я не знаю, послужитъ ли
 трудъ мой, къ чему нибудь доб-
 рому? Можетъ быть другому
 удастся лучше. Какая нужда! я
 дѣлаю только одинъ опытъ о
 свойствѣ человѣка. Потеря не важ-
 ная; одни труды; за шо — я на-

хожу удовольствіе въ испытаніи. Оно постыжесивуетъ порядочному обращенію моей крови; разсѣиваетъ мрачныя мои мысли; просвѣщаетъ мое понятіе, и умъ мой, — довольно и эпой награды!

Какъ жалокъ мнѣ потъ, которой проѣзжая отъ Дана въ Берзгебы, почувствуешь скуку. — И цѣлой свѣтъ, безъ сомнѣнія покажется бесплоднымъ тому, которой не захочетъ пользоваться его плодами.

Еслибъ я былъ среди мрачнѣйшей пусыни, думалъ я, потирая съ воспоргомъ мои руки: и шамъ — нашолъ бы какое нибудь утѣшеніе. Пріятной миршъ, пенальной кипарисъ заманили бы

меня подѣ сѣнь свою. Я благословилъ бы ихъ за благодаршельную шѣнь — я бы вырѣзалъ дѣмя свое на корѣ ихъ — я бы сказалъ имъ: ни какое дерево въ цѣлой пустыни не можетъ съ вами равняться: вы всѣхъ лучше. — Когда спали бы увядать и падать съ нихъ листья — я бы спалъ сохнушь вмѣстѣ съ ними; я бы спалъ вмѣстѣ съ ними оживать, когда благошворная весна возвратила бы имъ красивую ихъ зелень.

Если ученому *Смелъфунгусу*, всѣ предмѣшы, копорые попадались ему въ его путешествіи изъ Болоній въ Парижъ, изъ Парижа въ Римъ, и далѣе, казались мрач-

ными и обезображенными — то не мудро; ученой *Сильфунусъ* спрдалъ желухою. Путешествіе его ничто иное — какъ печальная подробность ушомленныхъ его чувствъ.

Я повспрѣчался съ нимъ въ большомъ подѣздѣ Пантеона. Онъ выходилъ изъ него. — Какъ вы думаете, спросилъ я: о этомъ великолѣпномъ зданіи? — Я? отвѣчалъ онъ: какъ о пространномъ и весьма удобномъ мѣстѣ, для драки пѣшуховъ. — Покрайней мѣрѣ, сказалъ я ему: имѣйте лучшія мысли о Венерѣ Медицѣйской.

Проѣзжая во Флоренцію, извѣспился я, что онъ не лучше

поступилъ и съ богинею , говоря
объ ней какъ о самой распушнѣй-
шей женщинѣ.

Смелфунгусъ на возвратномъ
пути своемъ , опять мнѣ попался
въ Туринѣ. Онъ рассказывалъ мнѣ
только о печальныхъ приключені-
яхъ , испытанныхъ имъ на водѣ ,
и на сушѣ. Онъ не видалъ никого
кромѣ людоедовъ , копорые едва
не содрали съ него кожи ; и на
всякомъ постояломъ дворѣ , обра-
щались съ нимъ хуже , нежели
съ Св : Варфоломѣемъ ,

О ! вскричалъ онъ : я цѣлому
свѣту готовъ это объявить. —
Не лучше ли , отвѣчалъ я ему ,

сказать вамъ прежде о томъ, одному вашему лѣкарю.

Мундунгусъ — наибогатѣйшій человекъ — вздумалъ некогда путешествовать. Онъ объѣхалъ Римъ, Неаполь, Венецію, Вѣну, Дрезденъ, Берлинъ; и *Мундунгусъ* по своемъ возвращеніи, не только упомянулъ хотя одинъ пріямной случай; но и все о чѣмъ ни говорилъ, не заключало въ себѣ ни хорошаго чувства, ни малѣйшей связи. Онъ проскакивалъ большія дороги, и никогда въ сторону не заглядывалъ, боясь, чтобъ какое печальное явленіе не поразило его взоровъ и не остановило въ пути.

Да будутъ они блаженны, если только могутъ обрѣсти блаженство! но самъ Богъ — когда Онъ на нихъ оглянется — не найдешь такихъ предмѣшовъ, которые могли бы смягчить жестокость ихъ сердець. Если бы они вознесены были на самые небеса, и смиренные души радовались бы пархая надъ ними, но и тогда бы пожалѣлъ я о душахъ *Смельфунгуса* и *Мундунгуса*. Они не приносятъ съ собою чувствительности; пріятное ощущение никогда имъ nebudeтъ извѣстно. Когда *Смельфунгуса* и *Мундунгуса* помѣстятъ въ самую лучшую небесную обитель, и въ то время, души

ихъ , будутъ роптать на Провидѣніе — и спенать цѣлую вѣч-носсть.

Г Л А В А ХІХ.

Монтрїуль.

На дорогѣ отсрвался мой чемоданъ. Дождь лилъ ведромъ , и я — желая пособить извощику привязать его опять по прежнему — принужденъ былъ выйти изъ коляски , и обрушиться по колѣна въ грязь. Такая бѣда не одинъ разъ сомною случалась ; а между тѣмъ не зналъ какъ бы пособить этому горю. По прїездѣ моемъ

въ Монпріуль, хозяинъ мой спросилъ меня: не хочу ли я нанять одного добраго слугу. —

Слугу! съ превеликою охотою; и шѣмъ болѣе, подумалъ я, что не буду уже имѣть нужды мокнуть на дождѣ и мараться въ грязи. — О вы будете чрезвычайно имѣ довольны; да и онъ ошменно обрадуется когда Богъ допуститъ служить ему у Англичанина. — По чему же лучше у Англичанина, нежели у кого другаго? — Англичане всегда добрые люди. — Хорошо сказано; но видно за эту похвалу, придется мнѣ нынѣшній вечеръ передать солдовъ двадцать лишнихъ? — Для

чегожъ сударь и не передать, когда есть изъ чего и есть за что? — О! о! сказалъ я, въ рядѣ ли опдѣлаешься и еще двадцашью! — Вчера сударь! также вечеромъ, какой-то Англійской Милордъ, подарилъ цѣлой червонецъ Жанешѣ. — Тѣмъ хуже для нее, перервалъ я.

Жанеша была хозяйская дочь; и онъ сочтя, что я худо разумѣю по Французски, вздумалъ поучить меня. — Вамъ должно бы сказать сударь, не *тѣмъ* хуже, а *тѣмъ* лучше. Всегда *тѣмъ* лучше, когда есть прибыль; и всегда *тѣмъ* хуже, когда нѣтъ никакой. —

Это выдепть все поже. —
Нѣтъ, сударь! не все поже; боль-
шая разница.

Эти два выраженія: *тѣмъ*
хуже и *тѣмъ* *лучше*, суть два пре-
великіе шпиля, на копорыхъ вер-
тяпся почти всѣ Французскіе раз-
говоры; и иностранцу, ѣдущему
въ Парижъ, не худо по замѣ-
шить, и какъ можно спараться
до пріѣзду своего познать всю
ихъ силу.

Однажды за споломъ у нашего
Посланника, какой-то вѣтреный
Маркизъ спросилъ Г. Юма: не
спихопворецъ ли онъ? — Нѣтъ,
опвѣчалъ спокойно Юмъ. — Тѣмъ
хуже, сказалъ Маркизъ. — Этомъ

Г. Юмъ , прибавилъ другой , не стихотворецъ , а Историкъ. — Тѣмъ лучше , перехватилъ Маркизъ ; а Г. Юмъ , у кошораго , какъ извѣстно , очень доброе сердце , поблагодарилъ Маркиза за его *тѣмъ* хуже — и за его *тѣмъ* лучше.

По окончаніи урока , хозяинъ кликнулъ Лафлера . Такъ назывался молодой человекъ , кошораго предсхавлялъ мнѣ въ услугу . — Я ничего не могу сказать вамъ о его дарованіяхъ , говорилъ хозяинъ : вы сами лучше меня узнаете ихъ можете ; но что касается до его вѣрности — я за нее вамъ поручаю .

Онѣ проговорилѣ это съ такимѣ тономѣ, которой принудилѣ меня размыслишь о моемѣ намѣреніи. Между шѣмѣ Лафлерѣ, побуждаемый нешерпѣливостію, свойственною питомцамѣ Природы, вошелѣ къ намѣ.

Г Л А В А XX.

Надобно быть всѣмѣ у о в о л ь н у.

Я съ первой встрѣчи готовѣ думать о всякомѣ хорошо, а болѣе о бѣднякѣ, которой хочеть служилѣ у бѣдняка же. Часто меж-

ду шѣмѣ такая склонность воз-
раждала во мнѣ недоувѣрчивость,
а иногда приневоливала ее имѣть.
Я чувствую ее болѣе и менѣе,
но мѣрѣ душевнаго моего располо-
женія и соображенія настоящихъ
обстоятельствъ, а важнѣе всего,
различая полъ, съ копорымъ я
долженъ имѣть дѣло.

Лишь только Лафлеръ пока-
зался въ комнату, какъ въ ту жѣ
минушу непринужденной и про-
стой его видѣ, изгналъ все мое
недоувѣрїе. Я тотчасъ склонился
въ его пользу, и нимало не коле-
баясь — нанялъ его. Осторожность
укоряла меня за мою спрощивость,

и за то, что я не знаю никаких его способностей. — Какая надобность их знать прежде? Когда будетъ въ нихъ нужда, и тогда успѣю узнать. Впрочемъ Французъ ко всему пригоденъ.

Однакожь любопытство подстрекнуло меня. Но какое было мое удивленіе!... бѣдной Лафлеръ ни чему больше не умѣлъ, какъ бить въ барабанъ, и просвиспашъ нѣсколько маршевъ на флейтѣ. Я чувствовалъ, что разумъ мой никогда такъ колко не подшучивалъ надъ моею слабостью. Не смотря на то, я рѣшился быть и шѣмъ довольну.

Лафлеръ всшупилъ въ свѣшъ съ пламеннымъ усердіемъ, копорымъ пылаютъ почти всѣ его сошечесшвенники; служилъ нѣсколькo лѣшъ Королю, и попомъ — не находя счасшья въ барабанныхъ палочкахъ, и не предвидя мастерсшвомъ своимъ пріобрѣсшть громкую себѣ славу — возвратился на свою родину, гдѣ жилъ, какъ было угодно Провидѣнію, шо есть: между неба и земли, на чистомъ воздухѣ.

Поздравляю тебѣ съ походнымъ барабанщикомъ! сказалъ мнѣ разумъ. — А чемъ же дурно имѣшъ походнаго барабанщика? Я не хуже сдѣлалъ большой половины

путешественниковъ , которые ѣз-
 дятъ съ толпою лакеевъ , и имъ
 даютъ столькожъ денегъ , какъ
 вспрѣчающимся музыкантамъ , пля-
 сунамъ и Богъ знаетъ кому....
 Когда двусмысленной оборотъ рѣ-
 чи можетъ поправить ошибку ,
 тогда — жалѣшь еще не о чемъ.

Не уже ли , Лафлеръ , ты
 ничѣму больше не умѣешь? — Какъ
 не умѣшь , сударь! я дѣлаю щиблеты,
 и играю немного на скрипкѣ. —
 Хорошо! а я на басѣ ; шакъ
 мы съ шобою сыграемся. Не
 умѣешь ли ты еще и бришь , или
 причесашь немного парикъ? — О!
 я , сударь , опмѣнножъ этому скло-

ненѢ. — Слава Богу! сказалѢ я:
довольно, очень довольно!

УжинѢ былѢ готовѢ. Я сѢлѢ
за столѢ. По одну сторону моего
спула сидѢла Англійская собака;
по другую — споялѢ ФранцузѢ
слуга. Я былѢ доволенѢ, какѢ ЦарѢ.
Если бы Монархи знали искус-
ство ограничивать свои прихоти,
тогдабѢ — и они были такѢ же
счастливы, какѢ я.

Г Л А В А ХХІ.

ПредувѢдомленіе.

Во всемѢ моемѢ путешествіи
ЛафлерѢ не опспавалѢ опѢ меня

ни на шагъ. Объ немъ я часто говоришь буду. Справедливость требуетъ, чтобъ я предварилъ о немъ моего чинашеля. Можетъ бышь я и его разположу въ пользу Лафлера.

Я никогда не раскаивался въ томъ, что послѣдовалъ первому движенію, побудившему приняшь его къ себѣ. Никогда никакой Философъ не имѣлъ слуги вѣрнѣе, привязаннѣе, правдивѣе Лафлера. Хошя дарованія его, бишь въ барабанъ и дѣлашь щиблешы, мнѣ ни на полушку не приносили пользы, но за то награжденъ былъ безпрестанно веселостію его характера; она по моему мнѣнію

замѣняла всѣ его недоспапки. Одинъ его видъ разгонялъ мою печаль, ободрялъ меня въ тяжкихъ моихъ обспояшельсшвахъ. Что касается до его гореспи — она никогда не прокладывала пропы на его лицѣ. Не было такой трудноспи, которую бы онъ не перенесъ. Ему все было возможно. Никакой голодъ, никакая жажда, никакой жаръ, никакой холодъ не изнуряли его. Лафлеръ всегда былъ одинаковъ: Не знаю, въ самомъ ли дѣлѣ я философъ; но ежели бы я и былъ имъ дѣйствительно, то признаюсь, что весьма часто пристыженъ былъ прямо философскимъ характеромъ этого бѣднаго

слуги. Сколько разъ примѣры его научали меня прилѣпляться къ превосходнѣйшей Философїи' . . . Со всѣмъ тѣмъ Лафлеръ былъ немного упрямъ — не отъ принужденія, но отъ Природы — однакожь, пробывъ не болѣе трехъ дней въ Парижѣ, онъ избавился вовсе отъ своего упрямства. Я хотѣлъ обо всемъ эшомъ предувѣдомить моихъ чипашелей, и это предувѣдомленіе стоить доброй главы.

Г Л А В А XXII.

*Что дѣлаетъ добродѣтель-
нымъ?*

На другой день Лафлеръ вступилъ въ должность. Я сдѣлалъ

опись шести рубашкамъ, еще кое-чему, и наконецъ отдавъ ему ключъ отъ чемодана, приказалъ какъ можно крѣпче привязать его позади коляски. Я велѣлъ запрягать лошадей, и позвать хозяина со счетомъ.

Какъ счастливъ Лафлеръ! — говорилъ хозяинъ пяти или шести дѣвкамъ, которыя его окружа, желали счастливаго пужи: — на силу бѣднякъ прильнулъ къ добренькому мѣспечку. Я смотрѣлъ на это съ примѣчаніемъ. Лафлеръ перецѣловалъ ихъ всѣхъ по очереди. Глаза его были заплаканы; три раза онъ ихъ опиралъ, и три

раза обѣщался привезть имъ изъ Рима по юбилею каждой.

Весь городъ его любитъ, сказалъ мнѣ хозяинъ, и всѣ будутъ жалѣть о немъ. Одинъ только за нимъ грѣшокъ: беспреспанно влюбляется. — Хорошо, подумалъ я: не на одного же меня надобно положить за это эписимью. Думая такимъ образомъ, я не чувствовалъ, что я хвалю болѣе самаго себя, нежели Лафлера. Я самъ во всю мою жизнь непрерывно влюблялся — и надѣюсь такимъ образомъ кончить и вѣкъ свой. Я очень увѣренъ, что если мнѣ предопредѣлено сдѣлать какое нибудь

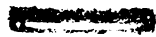
безчестное дѣло, по развѣ тогда, какъ перестану влюбляться. Я часто испытывалъ такіе промежутки, и примѣчалъ, что въ это время всегда затворенъ входъ къ моему сердцу. Оно такъ бываетъ ожесточено, что надобно дѣлать усилія, и подавая нищему нѣсколько больше обыкновеннаго — стараться преодолѣвать его свирѣпость. Я старался всячески выкарабкаться изъ сего ненавистнаго положенія — и ша минута, въ которую оживошворялся я новою страстію, была минутою моего исправленія и возвращенія къ добродѣтели. Не подумаетъ ли кто, что я хваляю себя? — Совсѣмъ

нѣтъ! я хвалю не себя, но свою
страсть.

Г Л А В А XXIII.

Отрывокъ.

Абдера — изъ всѣхъ городовъ
Фракіи — былъ самой развращѣн-
шій. Всѣ его жители погружены
были въ наиужаснѣйшее распу-
ство. Демокришъ — живши въ этомъ
городѣ — понапрасну употреблялъ
всѣ усилія къ исправленію повреж-
денныхъ нравовъ. Онъ не могъ въ
томъ успѣть. Убійства, заговоры,
грабежи имѣли въ Абдерѣ свое
приспанище. Тамъ не только но-

чью , но и днемъ ходить было опасно.

Въ то время, какъ развраще-
нїе дошло до самой крайности,
на театрѣ Абдерскомъ предста-
вляли Эврипидову *Андромеду*. Всѣ
зрители восхищены ею были чрез-
вычайно. Но изо всей трагедїи
всего лучше имъ понравились нѣж-
ныя изліянїя Природы, которыми
Эврипидъ наполнилъ жалостную
рѣчь Персея:

*О Купидонъ! царь боговъ и
теловѣковъ!*

На другой же день, въ цѣ-
ломъ городѣ, ничего больше не
говорили, какъ о Персеевой рѣчи.
Она была главнымъ предметомъ

всѣхъ разговоровъ. Въ каждомъ домѣ, на всякой улицѣ, вездѣ швердили: *о Купидонѣ! царь боговъ и теловѣковъ!*

Повсюду опзывалось имя Купидона. Оно положено было на голосъ, и — услаждало гораздо болѣе, нежели самое наипрѣяшнѣйшее сладкопѣніе. Со всѣхъ сторонъ пѣли: *Купидонѣ! Купидонѣ! царь боговъ и теловѣковъ!* огнь запылалъ по всему городу, и цѣлая Абдера предалась любви.

Апшекари Абдерскіе перестали продавать чемерицу. Ни въ одной лавкѣ не держали больше смертоносныхъ орудій. Дружба и добродѣшель воцарились въ Абдерѣ.

Самые непримиримые враги прекращали свою злобу, и торжественно обнимали другъ друга. Возродился золотой вѣкъ, и озарилъ Абдериу благошворными своими лучами. Абдеришты играли нѣжныя пѣсни на свирѣляхъ; а женщины, сбросивъ багряницы, сидились на травѣ — и слушали со вниманіемъ пріятныя концершы.

Одно только могущество Бога (говоритъ Опрывокъ), котораго власнь простирается отъ неба до земли и до дна морскаго — въ сосноянїи сдѣлашь такое чудо.

ГЛАВА XXIV.

*Рѣдко вкушаемое удоволь-
ствие.*

Какъ бы ни хорошо расплашился съ хозяиномъ, но никогда не выйдешь безъ того съ двора, чпобъ еще чего нибудь не испрашишь. — Кто будетъ такъ безсовѣстенъ, чпобъ съ жестокостію опогнать отъ себя нищихъ, просящихъ куска хлѣба? кто захочетъ усугублять ихъ несчастіе? Не лучше ли подать имъ нѣсколь-ко сольдовъ, когда можно мало-спію усладить ихъ горестъ? Вотъ совѣтъ мой всѣмъ путешественникамъ. Они не будутъ имѣть нужды записывать такой расходъ:

эти издержки вносятся совсѣмъ въ особенную роспись.

Никто не раздаетъ меньше денегъ, какъ я, потому — что ни у кого нѣтъ ихъ такъ мало, какъ у меня.

Нигдѣ не дѣлалъ я такого расхода, какъ во Франціи, но дѣлалъ съ большимъ примѣчаніемъ.— Ахъ! у меня не больше осьми сольдовъ мѣлкихъ денегъ: какъ раздѣлишь мнѣ ихъ на восемь женщинъ и на столько же мужчинъ, которые меня окружали?

Одинъ изъ послѣднихъ, безъ рубашки, прикрытый одними лоскушками, споялъ среди женщинъ.

Онъ выступилъ впередъ и повалился мнѣ въ ноги.

Правосудный Боже ! коль неспоспѣжимо соединилъ Ты, въ здѣшнемъ краю, нищету съ обходительностью, тогда, какъ во всѣхъ странахъ свѣта находясь они въ страшнѣйшей противоположности !

Я далъ ему одинъ сольдъ, только за то, что онъ былъ вѣжливъ.

Одинъ малорослый бѣднякъ, изъ той же толпы, стоялъ прямо противъ меня. Прижавъ подмышку нѣкопорой лоскутъ шляпы, вынулъ изъ кармана табакерку, и подносилъ ее всей своей усогой брашніи. — Подаваніе не без-

дѣльное — и всякой съ благодарноспью онѣ него отказывался. Онѣ не переставалѣ ихѣ усердно упрашивать : понюхайте , пожалуйста понюхайте , говорилѣ онѣ имѣ , оборачиваясь то на шу , то на другую спорону. — Наконецѣ они согласились на его прозьбу. — Жалко мнѣ , подумалѣ я , что опорожнился пивоя табакерка. Я взялѣ у него щепотку табаку , а на мѣсто его положилѣ два сольда. Другое мое снисхожденіе было для него пріятнѣе перваго. — Это было ничто иное , какѣ оплата за его вѣжливоспѣ. Однакожѣ онѣ сколько былѣ униженѣ , что поклонился мнѣ вѣ поясѣ.

Вотъ шебѣ два сольда, ска-
залъ я спарому безрукому солда-
ту, изнуренному службою. — Да
здравствуетъ Король! вскричалъ
спарой солдапѣ.

У меня оставалось три соль-
да. Одинъ я подалъ просившей
Христа ради: это была женщина,
съ вывихнушою ногою, копорая
не напрасно призывала имя Гос-
подне.

Мой любезной и прещедрой
Англійской Милордѣ! — Какъ же
можно опказать этому? Одно
названіе стоило денегѣ. Я по-
далъ ему послѣдній сольдѣ. Но
во время раздачи я не примѣшилъ
одного заспѣнчиваго нищаго, ко-

торой не имѣлъ никакого за себя ходатая, и можешь бышь — скорѣе согласился бы умереть съ голода, нежели просишь милоспшню. Онъ, въ опдаленіи опъ прочихъ, стоялъ близъ моей коляски, и опиралъ слезы. Видъ его показывалъ, что его утро было не сумрачное. — Боже мой! подумалъ я: у меня не оспалось ни одного солда! — Ты имѣешь ихъ тысячи, вопіяло мое сердце. — Я подошелъ къ нему — и далъ... за чемъ сказывать сколько?.. Мнѣ стыдно шеперь о томъ вспомнить; а еще стыднѣе было тогда, какъ я давалъ ему такую малоспш. Однакожь я не хочу обременять

голову моего чипашеля ; не хочу заспавляшь его долго ошгадывань. — Я далъ ему два ефимка.

Я ничего не могъ дать больше другимъ. — Богъ дасъ ! сказалъ я имъ. — Дай Богъ тебѣ здорье ! закричали старой солдатъ, малорослой и другіе получившіе отъ меня подаяніе. Заспѣнчивой бѣднякъ не могъ вымолвить ни слова. Онъ опошелъ въ сторону, чшобъ скрыть свои слезы ; и мнѣ казалось , что онъ благодарилъ меня больше всѣхъ.

Г Л А В А XXV.

Лошакъ.

Лишь только кончилась вся эта церемонія, какъ съ неописаннымъ удовольствіемъ прыгнулъ я въ коляску, а Лафлеръ съ большими своими сапогами вскочилъ на лошака.

Какая прочность въ счастіи и величіи сего мѣра? Въ немъ нѣтъ ничего швердаго, ничего постояннаго! Мы не отъѣхали еще одной мили, какъ издохшій оселъ на всемъ скаку остановилъ Лафлера. Лошакъ его ни назадъ, ни впередъ не двигался. Споръ ихъ сщановился жарчѣе. Ни Лафлеръ

лошаку, ни лошакаъ Лафлеру уступити не хотѣли. Судьба благопріятствовала больше скопинѣ: бѣдный прошивуборникъ былъ побѣжденъ, вышибенъ изъ сѣдла и поверженъ на землю.

Лафлеръ съ геройскимъ мужествомъ перенесъ свое паденіе. Экой дьяволъ! говорилъ онъ приподнимаясь — и влѣзая опять на лошака, началъ его отдувать наскою.

Лошакъ не дѣлался отъ того уступчивѣе; онъ бросался во всѣ стороны, а къ ослу не подходилъ. Лафлеръ хотѣлъ непременно поспавити на своемъ: онъ повернулъ лошака, прищпорилъ — лошакаъ

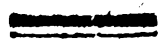
брыкнулъ и опять сбросилъ Лафлера.

Что сдѣлалось своему лошаку, Лафлеръ? — Эпа, сударь, самая наипрямѣйшая скопина. — Ну если она такъ упряма, за чемъ ее приневоливать? пускай идетъ какъ хочетъ. — Лафлеръ ударилъ его еще. — Лошакъ повернулся и — поскакалъ прямехонько въ Монп-рїуль. — *Чортъ тебя побери!* кричалъ ему Лафлеръ.

Не мѣшаетъ кажется дать примѣнить, что хотя Лафлеръ употребилъ при двухъ непріятныхъ съ нимъ случаяхъ двѣ различныя присловицы, но на Французскомъ языкѣ — есть еще и прешья.

Онѣ соотвѣтствуютъ грамматическимъ правиламъ, и раздѣляются на положительное, уравнительное и превосходное. Каждая изъ этихъ присловицъ употребляется, смотря по важности обстоятельствъ.

Дьяволъ есть первая степень — и степень положительная. Она употребляется въ обыкновенныхъ движеніяхъ разума и при малыхъ непріятностяхъ, какъ-то: если ошибешься играя въ карты, или неволью выскочешь изъ сѣдла, какъ Лафлеръ; или — когда мужъ застанетъ, что жена его изволила ковать ему рога — все это шакія бездѣлицы, за которыя во

Франціи никогда хуже не бранятся.

Но въ такихъ приключеніяхъ, гдѣ досада идетъ не на шутку, какъ на примѣръ: бѣжалъ лошакъ, и оставилъ Лафлера разиростертаго на землѣ въ большихъ сапогахъ — тогда не лзя иначе выразить, какъ второю степенью, по еспъ: *тортѣ тебя побери!*

Что касается до третъей.... Сердце мое надрывается съ досады, когда вспомню, что такой просвѣщенный народъ употребляетъ шоль безстыдное выраженіе.

Но на Французскомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ лучшихъ. И

какія бы ни случились со мною непріятности — я рѣшился никогда не изъяснять неудовольствіе мое по Французски.

Лафлеръ не дѣлалъ съ собою такого договора. Онъ не спускалъ съ глазъ своего лошака, и какъ онъ уже пропалъ изъ виду — легко можно опгадать, какою степенью изъяснялъ тогда Лафлеръ свою досаду!

Съ такими превеликими бопфоршами, какіе были на Лафлерѣ, не было средства догнать во всю прысь скачущаго лошака. Оставалось два способа: или поставишь Лафлера на запяшки, или посадишь въ коляску.

Послѣдній казался мнѣ лучше. Я посадилъ его рядомъ съ собою, и мы черезъ полчаса прїѣхали на станцію въ Нампоншъ.

Г Л А В А XXVI.

Мертвой Осель.

Вошъ корка хлѣба (говорилъ какой-то шарикъ, вынимая ее изъ своей сумки): я бы раздѣлилъ ее по поламъ съ тобою, если бы ты подолѣе пожилъ.

Я думалъ, что говорилъ онъ это своему сыну; но вмѣсто того — ослу, и тому самому, который попался намъ на дорогѣ, и на-

дѣлалъ столько бѣдъ Лафлеру. Бѣдной старикъ такъ много горевалъ, что я тотчасъ вспомнилъ такую же печаль, случившуюся однажды съ Санхо - Панхомъ. Но старикъ оказывалъ скорбь гораздо естественнѣе.

Онъ сидѣлъ у воротъ на камнѣ. Попона и узда осла его лежали съ боку. Онъ бралъ ихъ нѣсколько разъ — задумывался, и они — выпадали изъ рукъ его. Онъ смотрѣлъ на нихъ пристально. Потомъ взялъ свою черствую корку, какъ бы хотѣлъ ее ѣсть; но подержавъ ее нѣсколько минутъ возлѣ рта, положилъ на удило —

взглянулъ на нихъ томными глазами , и — вздохнулъ шяжко.

Простодушная печаль его собрала къ нему множеству народа ; и между шѣмъ , какъ впрягали лошадей , Лафлеръ также умножилъ собою число его. Я не выходилъ изъ коляски ; мнѣ все было видно и слышно.

Старикъ рассказывалъ имъ , что онъ ѣдетъ изъ самыхъ дальнихъ мѣстъ Франконіи , былъ въ Гишпаніи , и опшолѣ возвращается на свою родину. Всякой желалъ любопытно знать , что могло принудить бѣднаго старика предпринять такой дальній путь.

Увы! (говори́лъ онъ) Бо́гъ ми́ѣ далъ прехъ сыновеи прекра-
сныхъ и любезныхъ. Оспа лишила
меня двухъ первыхъ. Меньшой
также спрадалъ ею; я боялся по-
терять послѣдняго, и — обѣщался,
если онъ выздоровѣетъ, сбѣз-
дишь на поклоненіе св: Іакову въ
Компосшеллу.

Тутъ онъ остано́вился — и
зарыдалъ горько. Бо́гъ услышалъ
мои молишвы, продолжалъ онъ:
и меня помиловалъ. Я отпра́вился
изъ моей хижины на эпомъ ослѣ;
онъ раздѣлялъ со мною въ дорогѣ
всѣ шрудности; мы пишались съ
нимъ однимъ кускомъ; онъ былъ
мой шоварищъ и другъ.

Всѣ принимали участіе въ печали сшарика. Лафлеръ подалъ ему деньги. . . . увѣряя, что онѣ, никакой въ нихъ не имѣетъ нужды. — Ахъ! отвѣчалъ сшарикъ: я жалѣю не о цѣнѣ осла, но собственнo о немъ: онѣ очень любилъ меня. . .

Потомъ разсказалъ имъ объ одномъ несчастномъ приключеніи, случившемся съ ними на переходѣ Пиринейскихъ горъ, гдѣ потерявъ своего осла, три дни искали другъ друга, и во все это время они оба не могли ничего ѣсть.

По крайней мѣрѣ, мой другъ! сказалъ я ему: себя то утѣшишь

можетъ, что ты былъ для него
добрый хозяинъ. — Ахъ, милосер-
дый государь! въ то время ду-
малъ я объ этомъ, когда бѣдной
мой оселъ живъ былъ; но теперь
я думаю не то: можетъ быть
излишняя моя пягосць сократила
дни его; можетъ быть — я его
убійца.

Какой стыдъ человѣкамъ!
разсуждалъ я: о! если бы любили
они такъ другъ друга, какъ лю-
билъ спарикъ осла своего! . . .

Г Л А В А ХХVII.

Потталіонъ.

Это происшествіе очень меня пронуло. Почталіонъ, не смотря на то, поскакалъ во весь опоръ по московой.

Томимый жаждою среди песчаныхъ Аравійскихъ пустынь, не сколько желаетъ найти источникъ, сколько желалъ я шихаго движенія. Какъ мнѣ хошѣлось, чтобъ почталіонъ поѣхалъ пише! Но въ ту самую минушу, какъ спарикъ кончилъ свою повѣсть, онъ такъ пріударилъ по лошадямъ, что я совсѣмъ опчаялся въ моемъ желаніи.

Ради Бога! кричалъ я ему: ради Бога пише! но чемъ больше я кричалъ, тѣмъ сильнѣе погонялъ онъ лошадей. — Чтobъ чортъ тебя побралъ! ты до тѣхъ поръ будешь скакать, пока меня разсердишь; а шамъ победешь шихо для того, чтобы взбѣсиль меня.

Такъ и сдѣлалось. Почталъ онъ, подвѣхавъ къ горѣ, поѣхалъ шагомъ. Я разсердился на него, а на себя — еще болѣе. На эту пору добрая рысь много и меня позабавила, но....

Ступай, мой другъ, пожалуй-спа проворнѣе. Я хотѣлъ вспомнить о испоріи бѣднаго Нѣмца и

его осла, но забылъ связь повѣ-
ствованія. Мнѣ также не возмо-
жно было ее сообразить, какъ и
почталіону проворнѣе ѣхать.

Я чувствую, что хочу дѣ-
лать лучше, но — дѣлается ху-
же. Какъ бышь! все къ лучшему!

Природа всегда подаетъ въ
горестяхъ нашихъ какую нибудь
опраду: я заснулъ, и проснулся
при самомъ вѣздѣ въ Аміень.

О! о! сказалъ я, протирая
глаза: вотъ сюда — то приказитѣ
и пригоженькая Графская сестрич-
ка!

Г Л А В А ХХVIII.

А м ѣ с н ъ.

Едва я вымолвилъ , какъ Графъ Л* съ сестрою своею проскокали мимо меня. Она поклонилась мнѣ шакъ , какъ будто бы хотѣла что нибудь сказать. Я еще не успѣлъ опужинать, какъ слуга ея брата принесъ ко мнѣ отъ ней записку. Она просила меня , чтобъ я въ первое свободное утро въ Парижѣ отнесъ приложенное письмо къ Госпожѣ Р* , и прибавляла въ немъ: что крайне сожалѣетъ , что не успѣла рассказать мнѣ свою исторію ; но если я когда нибудь въ проѣздѣ чрезъ Брюксель не забу-

ду имя Госпожи Л*. тогда она надѣется имѣть это удовольствіе.

Я полечу въ Брюксель, говорилъ я самъ себѣ: полечу тебя видѣть, любезная женщина! мнѣ никакого не будетъ затрудненія. Возвращаясь изъ Италіи, пройду черезъ Германію, Голландію. Что за пятгость завернушь въ Брабантъ? больше не будетъ десяти лишнихъ станцій. Хотябъ было ихъ и тысяча — я всѣ ихъ перекачу. Какою сладостною наградою увѣнчаешь мое путешествіе, когда красавица начнетъ сама рассказывать мнѣ свои несчастныя приключенія! какое блаженство

видѣшь ее въ слезахъ! какое блаженство и того превосходнѣйшее, если удастся осушить испочникъ горькихъ ея слезъ! Хопябъ я и не имѣлъ этого счастья, но по крайности и по будущу не маловажное благополучіе, когда во весь вечеръ буду опираться плашкомъ слезы съ румяныхъ ея щечекъ.

Хопя и не было у меня никакого умысла, однакожь сердце мое довольно оскорбилось. Я всегда наслаждаюсь счастьемъ когонибудь любить. Последнее пламя мое, угасшее отъ ревности, мѣсяца съ при тому, какъ опять возгорѣлось при возрѣніи на Ли-

зесту. Я клялся ей, что огонь мой во все мое путешествіе жарко во мнѣ пылать будетъ. За чѣмъ шантъ? Я клялся ей въ вѣчной вѣрности — и она получила полное право надъ моимъ сердцемъ. Раздѣлишь мою нѣжность съ другою — тоже, что опнятъ силу у Лизетты; изъяснишь ее — значишь, пуснишься на новый присунъ. Ктожь меня увѣришь, чшобъ покушеніе мое было удачно? И тогда, Йорикъ! что будешь опвѣчать ты на жалобы сердца, преисполненнаго къ тебѣ довѣренности, сердца добраго, нѣжнаго? Досшойно ли это прощенія? Нѣтъ! нѣтъ! я не загляну въ Брюксель.

Но между тѣмъ воображеніе мое не перестаетъ лешать. . . . Прешанъ, волшебная сила, являешь мнѣ свои призраки! . . они исчезли для моего благополучія. Я никого, кромѣ Лизешы, не вижу. Я вспоминаю ея пошъ взглядъ, когда смятенная душа ея ошнела дѣйствіе языка, и не допустила выговоришь ему послѣднее слово *прости!* — Не швой ли эшо портретъ, милая Лизеша? Не ты ли его сама — на черной лешѣ надѣла мнѣ на шею? — Я краснѣлъ, смотря на него. . . . Хошѣлъ поцѣловашъ, но несмѣлъ прикоснушья моими губами. Развѣ надобно эшому прекрасному цвѣшку поблек-

нушь до самаго корня? Кшожь
будешь. тому виною? Не я ли
обѣщался давать ему силу раз-
цвѣташь на груди моей?

Великій Боже! вскричалъ я,
упавъ на колѣна: да будешь Ты
свидѣтель, хошябъ на самыя не-
беса пролежала черезъ Брюксель
дорога, шо и шога не поѣду я
но ней безъ Лизеты!

Въ подобныхъ изступленіяхъ
сердце всегда говоритъ больше
разсудка.

Г Л А В А ХХІХ.

П и с ь м о .

Форшуна не благопріятствовала Лафлеру. Рыцарскіе подвиги не удались ему; и въ цѣлыя сущки онъ не успѣлъ еще ни въ чемъ отличиться. Слуга Графа, принесшій ко мнѣ письмо, доставилъ ему благопріятный случай оказать мнѣ свое усердіе. Онъ позвалъ его въ корчму, и подчивалъ самымъ лучшимъ Пикардскимъ виномъ. Гость, зная довольно правила вѣжливости, и не любя быть въ долгу, повелъ Лафлера въ шракширъ, гдѣ остановился его баринъ. Веселой и прі-

яшной его нравъ созвалъ къ нему множество людей. Онъ — какъ добрый Французъ — никогда не былъ застѣнчивъ на открытiе своихъ дарованiй, и меньше нежели въ пять минушъ, принялся за свою флейшу. Женщины, дворецкой, лакей, повара, прачки, кошки, собаки, даже до старой обезьяны — все заплясало и запрыгало. Никогда въ этой кухнѣ такой веселости не бывало.

Госпожа Л*, возвращаясь отъ брата въ свою комнату, и удивившись такому необычному шуму, послала женщину о помѣ свѣдомишься; и узнавъ, что

въ кухнѣ забавлялся слуга Англійскаго дворянина, приказала позвать его къ себѣ.

Лафлеръ, всходя по лѣстницѣ, запасъ себя множествомъ учпивыхъ привѣтствій со стороны своего господина. Онъ надѣлалъ ей тысячу вопросовъ о ея здоровьѣ, прибавя, что баринъ его придешъ въ опчаянїе, если узнаешъ, что она обезпокоена такъ много своимъ душешесствїемъ, и что онъ былъ въ превеличайшемъ восхищенїи отъ ея письма. — Да, перервала она: это было очень примѣшно изъ его записки.

Она произнесла это такимъ грознымъ тономъ , что бѣдной Лафлеръ спалъ въ пень , и не смѣлъ никакого дѣлать ей возраженія. Онъ дрожалъ , какъ листъ , и боялся , не сдѣлалъ ли я какой нибудь невѣжливости ; боялся , чтобъ не сочли его безумцемъ за то , что онъ привязанъ къ такому человѣку , который не умѣетъ сохранять уваженія къ женщинамъ. — Не принесъ ли ты отъ своего барина еще какой записочки ? — О ! безъ сомнѣнія , сударыня ! подхватилъ проворной слуга : превеликую и преогромную.

Сказавъ это , Лафлеръ бросилъ шляпу и началъ ошаривать по всѣмъ

карманамъ. — Что за дьявольщина! вскричалъ онъ, поперявъ надежду отыскашь то, чего никогда не бывало. Онъ вывалилъ на полъ всю свою рухлядь: бритвенную замасленную занавѣску, худой плашокъ, изломанной гребень, нахвостникъ съ арапника, колпакъ и множество еще кой какой дряни. Но записки нигдѣ не было; наконецъ смотрѣлъ и въ шлякѣ — и шамъ не было. Лафлеръ мастерски игралъ свою ролю, и въ опчаянїи чуть чуть не махнулъ прешьей Французской *присловицы*. — Ахъ, сударыня! прости мене, прости великодушно; я забылъ ее у себя на столѣ; я шол-

часъ за нею сбѣгаю, и — въ три минушы явлюсь къ вамъ.

Я оканчивалъ мой ужинъ, какъ Лафлеръ, прибѣжавъ ко мнѣ благимъ мапомъ, объявляя о всемъ своемъ походе сь природною его простотою. — Ну, сударь! продолжалъ онъ: если вы какимъ нибудь образомъ забыли отвѣчать на ея письмо, то вотъ прекрасный случай поправить вамъ всю свою ошибку. Впрочемъ воля ваша!

Я былъ долго въ нерѣшимости, пишешь ли мнѣ къ ней, или нѣтъ. Меня никогда не учили, что дѣлать въ такихъ положе-

нїяхъ. Но со всѣмъ шѣмъ, и самъ, чортъ не могъ бы разсердиться на Лафлера. Всѣ его проказы происходили отъ чрезмѣрнаго ко мнѣ усердія. Хотя бы онъ и ошибся въ чемъ, или еслибъ онъ меня и въ дураки записалъ, и тогда я право не разсердился бы за его доброе сердце. — Я колебался, а Лафлеръ навелъ такое лицо, какъ будто былъ славный Полишникъ, умѣвшій возстановить миръ въ цѣлой Европѣ.

Спасибо, братъ Лафлеръ! спасибо; выдумка преудивительная! — Обрадованный Лафлеръ, какъ изъ луку стрѣла пустился за всѣми нужными припасами къ письму;

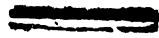
и возвращаясь въ одну минушѹ , положилъ все на столъ. Онъ придвигалъ его ко мнѣ съ такимъ убѣдительнымъ видомъ , что по чести , не возможно было отказатьсья отъ писанія.

Но что писать ? Начиналъ , маралъ , перемарывалъ , запачкалъ листовъ пять , а толку не было. Голова моя была пуста , и Геній мой улетѣлъ за придевять земель.

Лафлеръ полагалъ , что вся бѣда происходитъ отъ гуспопы чернилъ. Онъ принесъ воды и разжидилъ ихъ ; потомъ положилъ возлѣ меня песокъ и сургучъ. Но всѣ эти пособія ни на волосъ не

помогали. Что ни писалъ, все была такая нескладица, такая чепуха, что принужденъ былъ рвать или жечь. — Провалъ тебя возьми! вскричалъ я выбившись изъ силъ: какъ возможно не умѣшь написать такого сквернаго письма! и съ досады — забросилъ перо.

Лафлеръ, примѣшя мое замѣшательство, подошелъ ко мнѣ съ униженіемъ, и извиняясь въ своей смѣлости, докладывалъ, что у него въ карманѣ есть письмо, которое можетъ быть облегчить мои труды. Это письмецо, сударь, (продолжалъ онъ) писалъ барабанщикъ, однополчанинъ мой, къ

одной капральской женѣ. Обстоятельства очень сходивуюшѣ съ вашими ; и мнѣ кажется, что избѣгая лишнихъ хлопотъ , стоило бы только подмахнуть вамъ свое имя.

Въ иное время — я бы умеръ со смѣху , а на ту пору крайне былъ доволенъ.

Онъ выхватилъ изъ запазухи запасканную записную книжку , наполненную любовными швореніями ; развязалъ веревочку , и выбросилъ изъ нее всѣ бумаги на столъ. Помомъ , перебирая ихъ по одиночкѣ , подалъ мнѣ одну. Я читалъ :

П И С Ь М О

Государыня моя !

Негаянное возвращеніе кадрыла, лишившее насъ всѣхъ способовъ видѣться, повергло меня въ отчаяніе и взорвало все сердце.

Да здравствуетъ надежда ! можетъ быть мы и скоро увидимся, потому что я ни о чемъ, кромѣ васъ, не думаю.

Любовь безъ чувствъ нѣтъ не знаетъ; а чувства безъ любви — и того меньше.

Отчаяваться никогда не должно: все идетъ къ лучшему.

Я слышала, что господину канцлеру достанется въ будущую среду на караулъ: вотъ и на нашей улицѣ праздникъ!

Наконецъ цѣбрю васъ, что сердце мое напряжено къ вамъ такъ тѣго, какъ самая хорошая телятъя шкура на лучшемъ барабанѣ.

Имѣю честь бытъ

Государыня моя!

со всѣми нѣжнѣйшими ощущеніями

Яковъ Рокъ.

Надобно только мнѣ было пожаловашь капрала Графомъ ; не говоришь о караулѣ , и не упоминашь о шелячьей шкурѣ ; впрочемъ оно годилось. И такъ , чшобъ ушѣшишь бѣднаго Лафлера , дрожащаго за мою честь , я поправилъ письмо его на мой ладъ , запечашалъ и ошдалъ ему. Лафлеръ ошнесъ его къ Госпожѣ Л* , и пошпру выѣхали мы въ Парижъ.

Г Л А В А ХХХ.

П а р и ж ъ .

Прекраснѣйшій городъ , особливо для шого , у кого есть деньги.

Какъ можно жишь въ немъ весело!!!

Но бѣдному дворянину, кошорый долженъ по немъ ходишь пѣшкомъ, гораздо лучше опъ него удалишься, и закупоришься въ своемъ кабинетѣ, если только можешъ онъ бышь для него пріятенъ.

Оспавшись одинъ въ комнатѣ — признаюсь, я не то спалъ думать, какъ прежде. Я подошелъ къ окну, и увидѣлъ толпу народа, въ разноцвѣтныхъ кафпанахъ, бѣгающую по разнымъ сторонамъ. Иные были въ рыцарскомъ одѣянїи, другїе — въ драгоцѣнныхъ восточныхъ шканяхъ, и всѣ — какъ древ-

ніе рыцари, другѣ передѣ другомѣ старались ошличиться на ристалищѣ.

Увы! бѣдной Йорикѣ! тебя за чѣмѣ сюда Богѣ занесѣ? Едва ты показался, какѣ уже блестящая толпа превратила тебя вѣ пылинку. Бѣги скорѣе вѣ какой нибудѣ глухой переулочѣ, куда не проникаетѣ свѣщѣ фонарей, и гдѣ не слышно шума каретѣ: тамѣ можешь ты проводить свое время; тамѣ найдешь можешь быть, какую нибудѣ собесѣдницу, кошорая прогонитѣ твою скуку; такое со-товарищество будетѣ для тебя повыгоднѣе!

Я умру съ грусти! вскричалъ я, вынимая изъ записной книжки письмо, которое поручено мнѣ было отнести. Я пойду къ Госпожѣ Р*, и сдержу свое слово. — Лафлеръ! — Чего изволише, сударь? — Сходи за парикмахеромъ, а послѣ почисти нлашье.

Г Л А В А XXXI.

П а р и к ъ.

Входитъ парикмахеръ. Онъ взглянулъ на парикъ, и на ошрѣзѣ сказался поправляющъ его; или онъ не умѣлъ его выправить, или въ самомъ дѣлѣ, онъ не испортилъ

шого. — Чтоже мнѣ дѣлать? спросилъ я его. — Надобно, сударь, купить другой, новаго фасона; у меня есть всякіе: выбирайте любой. — Принеси же, мой другъ; попошримъ. — Онъ вышелъ, и попочасъ возвратился съ пятью или шестью париками.

Эпошъ, сударь, удивительно какъ вамъ къ лицу! — Хорошо, я его куплю. . . . Но боюсь, чшобъ эта букля скоро не разбилась. — Э! баринъ, хошь въ море окуни, такъ ничего не сдѣлается.

Какъ въ Парижѣ все величественно! Въ Англїи и самый Королевской парикмахеръ не выдумалъ бы больше, какъ обмакнуть въ

ушапѣ воды. Ушапѣ и море — ка-
кая разница? какъ мигъ съ вѣч-
ностью!

Признаюсь: всякая тупая и
флегматическая рѣчь для меня
также несносна, какъ тупое
и ограниченное воображеніе, отъ
котораго беретъ она свое начало.
Я всегда утѣшаюсь великими произ-
веденіями Природы; и если бы
возможно было, я не хуже бы
парикмахера употреблялъ часто
въ сравненіи Океанъ. Все, что мож-
но сказать въ этомъ случаѣ о
превосходномъ Французѣ, есть
то, что ихъ величество больше
на словахъ, нежели на дѣлѣ.

Какъ ни лестно мнѣ было познаніе о недѣйствіи морской силы надъ буклею, но по несчастію Парижъ такъ удаленъ отъ моря, что мнѣ ни какъ невозможно было проскакать сто миль, для испытанія парикмахерова предложенія. — Между тѣмъ онъ молчалъ.

Ушатъ воды хотя кажется и ничто прошивъ моря, но въ это время онъ гораздо былъ лучше, потому что его скорѣе можно найти, и испытать въ немъ чудесную крѣпость букли.

Правду сказать: французъ всегда думаетъ больше, нежели сдѣлать можетъ. Такъ по крайней мѣрѣ я думаю.

Я не знаю — можетъ быть и ошибаюсь; но мнѣ кажется, что таковыя бездѣлицы изображаютъ болѣе народный характеръ, нежели государственныя дѣла. . . .

Парикмахеръ непременно хотѣлъ опличиться своимъ парикомъ, и для того причесывалъ его до шѣхъ поръ, какъ я почувствовалъ, что было поздно итти къ Госпожѣ Р. . . Но кто уже одѣтъ такимъ образомъ, чтобъ ѣхать въ гости, тотъ не раздумаетъ за такую бездѣлицею. Записавъ имя моего хозяина, я отправился въ путь. Какая нужда обдумывать прежде, куда мнѣ итти? — Можно успѣть и дорогою.

Г Л А В А ХХХІІ.

П у л ь с ь.

И малая пріятность въ жизни дославляетъ большую опраду души. Предеспи и красота привлекаютъ къ себѣ любовь. Они разсавляютъ сѣпи, и обольщеннй нечувствительнѣ въ нихъ запусываешся.

Сдѣлайте одолженіе, сударыня! скажите мнѣ, куда пройти къ Театру? — Сѣ превеликимъ, сударь, удовольствіемъ! ошвѣчала мнѣ одна модная торговка, къ кошорой я забрелъ въ лавку.

Я заглядывалъ въ пять или шесть лавокъ, чшобъ сыскашъ ка-

кое нибудь швореніе, которое не наморщилось бы опѣ моего вопроса. Эпа мнѣ понравилась больше всѣхъ — и я вошелъ.

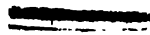
Она сидѣла на скамейкѣ, противъ самой двери, и вышивала манжеты. — Сѣ превеликимъ, сударь, удовольствіемъ! отвѣчала она: и вспала сѣ такимъ веселымъ видомъ, какъ будто я у ней купилъ на пятьдесятъ луйдоровъ; — и тогда я не больше подивился бы ея вѣжливости.

Надобно, сударь — говорила она подойдя со мною къ двери и указывая на улицу: — потчасъ повернитъ на лѣво. Но не ошибишесь; не въ первую улицу, а въ другую.

Въ нѣкоторомъ отдаленіи вы увидите церковь: пройдя ее, поверните на право, и по этой улицѣ придете вы прямо къ Новому мосту (Pont Neuf). Тамъ всякой съ охотою укажетъ вамъ остатокъ дороги.

Она швердила мнѣ о томъ нѣсколько разъ съ такимъ терпѣніемъ и благосклонностію, что казалось, великое принимала участіе въ томъ, чтобъ я не сбился съ дороги; участіе, свойственное душамъ чувствительнымъ.

Эта женщина — хопя и не значнаго происхожденія, но была опмѣнно хороша собою. Однакожъ не красота ея обратила мое вни-

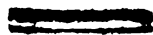
маніе. Одно только то помню, что я выпаращилъ на нее глаза, и благодарилъ ее всѣми силами. Я повпорилъ ей сколько же разъ мою благодарноснъ, сколько она мнѣ свое насшавленіе.

Я не отошелъ и десяти шаговъ, какъ забылъ все, что она мнѣ ни говорила. Оглянувшись назадъ, увидѣлъ, что она еще стояла у дверей, и какъ будто смотрѣла, но той ли я пойду дорогѣ. Я ворошился и спрашивалъ у ней съ изнова. Проспите меня, сударыня, я все забылъ.— Возможно ли, шакъ бытъ безпамятну? отвѣчала она съ усмѣшкою. — Очень сударыня возможно, и всегда

случается, когда больше помнишь о томъ, кто говоритъ, нежели о томъ, что говорятъ.

Я сказала совершенную правду, и она приняла это такъ же, какъ принимаютъ всё женщины, то есть: присѣла.

Подождите, сказала она удерживая меня за руку, подождите не много. Я пошлю по этой дорогѣ мальчика, оннеси перчатки. Онъ васъ проводитъ до самаго Театра; а между тѣмъ извольте войти въ лавку. Она его кликнула; и приказавъ ему скорѣе сбираться, сѣла на скамейку; а я снявъ пальцы съ манжетами — подсѣлъ къ ней.

Спупай же скорѣе, Францискъ! говорила она. Не взыщете, сударь, что я васъ задержала; онъ сей же часъ готовъ будетъ. — Я же-лалъ бы очень, сударыня, бытъ на эшотъ часъ столько краснорѣчивымъ, чтобъ умѣть возблагодарить васъ соразмѣрно вашимъ одолженіямъ. Иногда благодареніе дѣлается и по нечаянности; но когда уже увеличиваетея его дѣйствіе, то это знакъ добраго характера. Если сердце обмывается пою же кровію, которая течетъ по всѣмъ жиламъ: то я увѣренъ — продолжалъ я взявъ ея руку — что нѣтъ на свѣтѣ женщины, у которойбы пульсъ былъ лучше вашего.

Для чего себя нѣшѣ со мною, мой другъ? Ты увидѣлъ бы меня въ черномъ кафтанѣ, съ важнымъ видомъ занимающагося бѣеніемъ пульса, съ такою же внимательностію, какъ занимается лѣкаръ надъ больнымъ, страдающимъ жестокою лихорадкою. Ты посмѣялся бы надо мною отъ всего сердца; а можешь быть далъ бы и доброе поученіе. Пустое! пускай смѣялся бы ты какъ хотѣлъ, а я бы — не слушалъ твоей проповѣди. Повѣрь мнѣ, мой другъ! многіе на свѣтѣ люди проводятъ время свое гораздо хуже, нежели я. Щупашъ пульсъ у пригожей женщины, право не такъ-то дурно! Когда

душа моя удалена отъ злыхъ на-
мѣреній, но пусть говоряшь, что
угодно; никакое злословіе меня
не уколеть.

Г Л А В А ХХХІІІ.

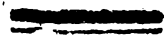
М у ж ъ.

Пульсъ пробилъ двадцать разъ,
и я пустился бы считать и до
сорока, если бы не вошелъ
къ намъ какой-то мужчина; и не
прервалъ шѣмъ моего счета. —
Не безпокойтесь, сударь! это мой
мужъ, сказала она мнѣ: онъ не
помѣшаетъ вашему упражненію. —
Я началъ вновь пересчитывать. —

Баринъ этотъ такъ снисходите-
ленъ, говорила она обращаясь къ
своему мужу, что прѣходя мимо
моей лавки, зашелъ щупать у
меня пульсъ. — Мужъ скинулъ шля-
пу, поклонился, поблагодарилъ
меня за снисхожденіе — надѣлъ
опяшь шляпу, и ушелъ вонъ.

Боже мой! подумалъ я: воз-
можно ли, чтобъ это былъ ея
мужъ?

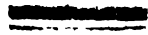
Множество людей, хотя со-
вершенно знаютъ причину, побу-
дившую меня къ такому восклицанію,
но со всѣмъ тѣмъ будущъ
не довольны моею нескромностію.
Но — Богъ съ ними!

Купецъ Англичанинъ, и жена его, сославляють одно нераздѣльное существо. Мужъ отличается тонкостію ума и крѣпостію шѣла, а жена имѣетъ всѣ прелести, равныя достоинствамъ мужа. Соединя все это вмѣстѣ: они — одинъ на другога такъ, похожи и согласны, какъ только можно быть согласну мужу съ женою.

Въ Парижѣ совсѣмъ не такъ водится: полное разпоряженіе надъ лавкою не зависитъ отъ мужа; она подъ самодержавнымъ владычествомъ жены. Мужъ, будучи въ званіи госпя, весьма рѣдко приходитъ въ лавку; онъ почти

безвыходно бываетъ въ заднемъ своемъ прилавкѣ, или въ какой нибудь темной комнатѣ, гдѣ на-двинувъ колпакъ — сидишь одинъ одиухонекъ. Онъ посреди людей оспаеся такимъ же неопесаннымъ болваномъ, какимъ произвела его Природа. Женщины — черезъ непрерывное болтанье со всѣми входящими — уподобляются различнымъ камнямъ, которые перешираясь другъ о друга, изглаживаютъ свою шероховатость, и принимаютъ иногда и видъ и блескъ алмаза. Во Франціи женщины управляютъ всѣмъ, кромѣ Государства.

Каковъ, сударь, кажется вамъ мой пульсъ? — Такъ шихъ и хорошъ, какъ не лъзя лучше. — Она хопѣла мнѣ что-то говорить, но Францискъ, войдя къ намъ, докладывалъ ей, что перчапки гошovy. Куда прикажете ихъ нести? — Поспайте, сказалъ я: мнѣ надобно самому нѣсколько паръ.

ГЛАВА XXXIV.

Перчапки.

Пригожая шорговка встала съ скамейки, подошла къ шкафу и вынула связку перчапокъ. Я началъ примѣривать, но перчапки

были всё широки. Она надѣвала ихъ сама мѣ на руки, но и отъ этого отъ ни мало не уменьшались. Наконецъ выбравъ одну пару поменьше, просила меня ее примѣрить. Она развернула, и рука моя безъ всякой ошановки въ нее проскочила. — Нѣтъ, сударыня, и эти не годятся, сказалъ я ей покачавъ немного головою. — Да, сударь! и я вижу, что не годятся; отвѣчала она покачавъ также головою.

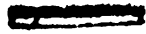
Есть такіе вразумительные взгляды, которые чрезъ смѣшеніе различныхъ ощущеній, происходящихъ отъ разныхъ спрашекъ душевныхъ, извѣсняютъ гораздо

поняшиѣ , нежели можно изъяснишь на всѣхъ языкахъ, открывшихся при снолпотвореніи Вавилонскомъ. Они овладѣвають нами съ такою спремишельносцію, что не возможно узнать скоро, къ добру, или худу они ведутъ. Что касается до меня, я предоспаляю господамъ Проповѣдникамъ спарашься наполнишь эшимъ разсужденіемъ свои проповѣди; а я скажу только то, что перчашки не годились мнѣ. Облокотившись на столъ, руки наши сжались какимъ-то образомъ шакъ плотно, что едва оставалось мѣсто для свершка съ перчашками.

Молодая торговка взглядывала на перчашки — потомъ на окно — а шамъ опяшь на перчашки, а потомъ — на меня. Она не говорила ни слова, а я не хошѣлъ прерывать ея молчнїя; я старался во всемъ ей послѣдовать. Глаза мои — также какъ и ея — обращались попеременно: то на нее — то на окно — то на перчашки — то опять на нее.

Умственныя мои нападенїя крайне были для меня безвыгодны. Въ глазахъ у ней сверкали такіе пронцапельные лучи, которые жестоко воспаляли мое сердце. . . Но я спасъ себя тѣмъ же способомъ, которой отвратилъ

меня отъ путешествія въ Брюксель. Ахъ, Лизеша! Лизеша!

Что нужды! сказалъ я положи къ себѣ въ карманъ двѣ пары перчатокъ: хопя онѣ не много и не въ пору, но я ихъ исправляю.

Она не взяла съ меня ни одного солда лишняго. Такое безкорыстїе чувствительно меня пронуло. Мнѣ бы хопѣлось— . . .

Не ужели вы думаете—спросила она, какъ будто узнавъ мою мысль — что я захочу взять лишнее съ иностранца, и еще шакого, кошораго одна вѣжливосшь,— а не нужда — побудила кушишь совсѣмъ негодныя для него пер-

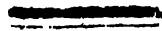
чашки? Я этого никогда отъ васъ не ожидала. — Отъ меня? Помилуйте, сударыня! если бы вы и въ самомъ дѣлѣ запросили дороже, то и тогдабъ не смѣлб вамъ прошиворѣчитьъ.

Заплашя деньги, и поклонясь ей гораздо ниже обыкновеннаго — вышелъ вонъ; а мальчикб пошелъ за мною.

Г Л А В А XXXV.

П е р е в о д ъ.

Мнѣ доспалось сидѣть въ ложб съ однимъ старымъ Офицеромъ. Я люблю военныхъ людей; служба

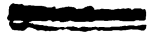
смягчаетъ добрые нравы такъ же, какъ и развращаетъ дурные. Капитанъ Шанди былъ точно шавовъ. Я не могу безъ крайняго прискорбія вспомнить, что смерть лишила меня въ немъ наилучшаго друга. Размышляя о добромъ его сердцѣ и хорошей душѣ, у меня всегда навертываются слезы. По этой-то причинѣ я люблю всѣхъ заслуженныхъ людей.

Я перешагнулъ двѣ лавки, и сѣлъ возлѣ стараго Офицера.

Онъ съ большимъ вниманіемъ читалъ какую-то маленькую книжку, и — какъ догадаешься можно — ту самую Оперу, которую ша-

гда представляли на Театрѣ. Лишь только успѣлъ я сѣсть, какъ онъ скинулъ очки, и положи ихъ въ шагриновой фушлярѣ, спряталъ съ книжкою въ карманѣ. Я привсталъ, и поклонился ему.

„Это какой нибудь заѣзжій бѣднякъ пожаловалъ въ ложу; и по видимому не только ни съ кѣмъ незнакомъ, но если и семь лѣтъ проживетъ въ Парижѣ, то и тогда никого не узнаетъ, когда не приласкаютъ его добрые люди — къ которымъ онъ сядетъ подъ бокъ — и не скинутъ съ носа свои очки. . . . Безъ того, кажешся, не скоро онъ съ кѣмъ познакомишся.“

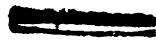

Я читалъ все это на его лицѣ, когда онѣ взглянулъ на меня; и если бы старой Офицерѣ вздумалъ сказать мнѣ о томъ и въ слухъ, право не лучше бы изъяснилъ свои мысли. Не знаю, понялъ ли онѣ также хорошо и мой поклонъ, которой если перевести, то означалъ бы: что я весьма чувствую его ко мнѣ вниманіе, и сердечно благодарю за то.

Ежели кто умѣетъ такимъ сокращеннымъ способомъ хорошо изъясняться съ другими, то нѣтъ ничего лучше и удобнѣе къ скорѣйшему знакомству. Не малая выгода знать искусство, сообщать свои

мысли другому, одними взглядами и движеніями, безъ всякой помощи языка. Я къ этому привыкъ удивительнымъ образомъ. Прогуливаясь по улицамъ въ Лондонѣ, и встрѣчаясь со многими, я всегда удачно переводилъ съ ихъ лицъ. Иногда случалось мнѣ быть въ такомъ обществѣ, гдѣ не слышалъ болѣе чешырехъ словъ, а я выводилъ изъ того двадцать совсѣмъ прошивныхъ разговоровъ, и — безъ хвасповства сказать могу — никогда не ошибался.

Однажды вечеромъ пошелъ я въ концертъ; и только что хошѣлъ войти въ дверь, какъ въ то са-

мое время Маркиза Ф... съ великою шоропливостію подскочила къ ней изъ залы. Увидя ее возлѣ себя, и желая дать ей мѣсто, прыгнулъ я въ другую сторону. Маркиза захопѣла сдѣлать тоже: прыгнула сама, и мы — сполкнулись головами. Она повернулась опять по прежнему, туда же — куда и меня невольно повернуло; и я нечаянно — въ другой разъ загородилъ ей дорогу. Корешко сказать: это продолжалось до тѣхъ поръ, пока мы оба покраснѣли. Наконецъ я сдѣлалъ то, что съ самаго бы начала должно мнѣ прийти въ голову. Я оспановился на одномъ мѣстѣ, и Мар-

жиза прошла въ дверь безъ всякаго зашрудненія. Я бранилъ себя за свою глупость; и мнѣ казалось непростишельно войши въ залъ, не поправя своей ошибки. Я не спускалъ глазъ съ Маркизы. Она дважды обертывалась, смотрѣла на меня, и спаралась дашь мнѣ замѣшить, что она оспонавливаешся на одной споронѣ, и уступаетъ другую проходящему. — Нѣшъ, нѣшъ! разсуждалъ я: эшотъ переводъ мнѣ не выгоденъ. — Однакожь она имѣетъ право принудить меня просить у ней прощенія; а съ моей спороны шѣмъ удобнѣ эшо сдѣлать, что она идетъ съ нѣкопорою мѣ-

длишельноспію. Я побѣжалъ къ ней; просилъ ее простишь моему замѣшательспіву, и увѣрялъ, что это произошло не опъ умысла. Она сама въ томъ же извинялась, и мы — взаимно благодарили другъ друга за вѣжливоспъ. Маркиза уже подходила къ лѣсницѣ, но слуги ея не было. Я подалъ ей руку, и повелъ къ ея каретѣ. Сходя съ лѣсницы, мы оспанавливались на каждой ступенькѣ, и судили о концерпѣ и о нашемъ приключеніи.

Маркиза сѣла въ карету, а разговоръ нашъ еще не кончился. — Клянусь вамъ, сударыня! что разъ съ шеспъ кидался я по сторонамъ,

чтобъ дать вамъ мѣсто прой-
ти. . . — И я также хошѣла, что-
бы вы вошли въ дверь. — Я желалъ
бы очень, Маркиза, что бы вы
захошѣли тоже самое и въ седь-
мой разъ. — Съ превеликимъ удо-
вольствиемъ! отвѣчала она, подо-
двинувшись къ одной споронѣ.

И цѣлой жизни не доста-
нетъ, чтобъ сохранить въ поч-
тости всѣ церемонїи. Не доводя
Маркизу до дальнихъ прозвбъ, за-
брался я къ ней въ карету; она
повезла меня къ себѣ. Я не ду-
малъ больше о концертѣ. Пусть
заигрываютъ имъ нѣ, которые его
слушаютъ; а я — помышлялъ о но-

вомъ знакомствѣ , которое меня гораздо болѣе утѣшало , нежели всѣ Перуанскія сокровища .

Г Л А В А ХХХVІ.

К а р л о .

Я не повѣрю , чшобы кто нибудь другой — кромѣ того , о которомъ скажу въ сей главѣ — могъ сдѣлать такое примѣчаніе , какое сдѣлалъ я въ ту самую минушу , когда взглянулъ на паршеръ . Мнѣ не приходило о томъ и въ голову , особливо тогда , когда она была наполнена непоспимымъ

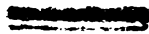
своенравіемъ Природы въ произведеніи великаго множества уро-
довъ. Безъ сомнѣнія во всѣхъ кон-
цахъ вселенной, она забавляется
довольно надъ бѣднымъ челове-
чствомъ; но въ Парижѣ, кажеш-
ся, что ея прихоти и не имѣ-
ютъ уже никакого предѣла.

Я сидѣлъ въ Театрѣ; но мы-
сли мои не успрямлялись на Опе-
ру: онѣ бродили совсѣмъ по дру-
гимъ мѣстамъ, такъ точно, какъ
бы я самъ бродилъ съ ними. Я
не пропускалъ ни одного прохо-
жаго на улицѣ, чшобъ не сдѣ-
лалъ надъ нимъ какого нибудь
примѣчанія. Какъ жалко смотрѣшь

на малорослыхъ , горбатыхъ , кривыхъ , слѣпыхъ и на множество другихъ изуродованныхъ ! Я соспрадалъ о эсихъ несчастныхъ , кошорыхъ игра случая , или сама Природа опдѣлила опъ числа людей обыкновенныхъ , и причисляла къ сонмищу уродовъ . Иные въ пятьдесятъ лѣтъ по роспу своему казались совершенными дѣшми ; другіе не дѣйствовали своими членами , спрадали Англійскою болѣзнію , и имѣли кривыя ноги . Первые опъ шести или семи лѣтъ не росли болѣе ; а другіе походили на маленькія яблони , кошорыя съ самаго своего посаженія лишь вышли — и завяли .

Путешествовавшая лѣкаръ сказалъ бы можешъ быть, что это произошло опѣ разныхъ худо употребляемыхъ перевязокъ. Лѣкаръ угрюмый приписалъ бы это нездоровому воздуху; а путешественникъ лыбопышный — для ушверженія своей системы — пустился бы измѣрять вышину домовъ, ширину улицъ, тѣсно-ту нѣкопрыхъ чулановъ въ шестомъ и седьмомъ этажѣ, гдѣ простой народъ ѣстъ и спитъ курами.

Г. Шанди — копораго разсужденія во многихъ случаяхъ были чрезвычайны — говоря однажды обѣ

этомъ, увѣрялъ : что дѣти, родившіеся безъ всякихъ дурныхъ слѣдствій , могутъ выростъ весьма велики ; но дѣло въ томъ, прибавилъ онъ шузя : что Парижскіе жители несчастливы пѣснымъ своимъ жилищемъ , и мнѣ не понятно , какъ они умудряются производить въ нихъ существа себѣ подобныя. Отъ того-то и раждаются дѣти такими уродами , которые въ двадцать пять лѣтъ — при всемъ стараніи и попеченіи родителей — не вырастаютъ выше аршина. Г. Шанди , говоря всегда лаконически , не упомянулъ ни слова о способахъ прибавлять ростъ.

Я и самъ не скажу болѣе... Я пишу не насшавленія, а только упоминаю о нѣкоторомъ вѣрномъ замѣчаніи, въ которомъ можно удостовѣриться на каждой улицѣ и на каждомъ перекресткѣ въ Парижѣ. Однажды проходя съ дворцовой площади на Луврскую набережную, увидѣлъ я мальчика; копорой хотѣлъ перепрыгнуть маленькой ручей, но не могъ. Я подалъ ему руку. Но какъ я удивился! мальчикъ эшотъ по крайности былъ лѣшъ сорока. — Что нужды! подумалъ я: дѣлать добро никогда не мѣшаетъ. Когда я буду въ девяносто лѣшъ, можетъ быть и мнѣ, какой нибудь

добрый человекъ пособитъ въ подобномъ же случаѣ.

Во мнѣ естъ, какое-то особенное состраданіе ко всѣмъ такимъ несчастнымъ пвореніямъ. Бѣдные! они рѣдко имѣютъ силу и способность ограждать себя отъ злыхъ насмѣшекъ, и блеснутъ чѣмъ нибудь въ обществѣ. Я перепѣшь не могу, когда надъ ними шумятъ. Лишь только сѣлъ я возлѣ спарга моего офицера, какъ сердце мое уже рвалось съ досады, увидя — что надъ какимъ то горбуномъ, въ низу нашей ложи, весьма язвительно шумили.

Между оркестромъ и первую боковую ложею, естъ площадка,

гдѣ зрители — неуспѣвшіе заранѣе захватить мѣста — толпяся всѣ въ одной кучѣ. Они всѣ стоятъ , хопя и пламятъ дороже нежели въ партерѣ. Какой-то жалкой уродецъ , попался въ эту суматошную толпу. Горбунчикъ окруженъ былъ всѣхъ сторонъ , и претерпѣвалъ несносныя насмѣшки. Но всѣхъ болѣе надоѣлъ ему одинъ претолстой и превысокой Нѣмецъ , которой стоялъ въ переди его , и заслонялъ весь театръ и актеровъ. Карликъ мой всячески старался отыскать хопя самую малѣйшую скважину между его рукою и туловищемъ ; заглядывалъ то на шу , то надругую сторону:

но нѣмецъ стоялъ какъ испуганъ. Огорченный и лишенный надежды видѣвъ представленіе, бѣдной карликъ приподнялся и пропянувъ пошохоньку руку свою къ локтю великана пересказалъ ему о худомъ своемъ положеніи. Нѣмецъ обернулся, посмотрѣлъ на него какъ Голіафъ на Давыда, и — не сказавъ ни слова, сталъ опять по прежнему.

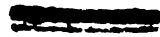
Въ это самое время нюхалъ я табакъ изъ табакерки добраго монаха. — Ахъ! какое состраданіе, любезный отецъ Лорензо, почувствовала бы швоя душа, услышавъ жалобы этого бѣднаго Карлы?

Подумавъ о томъ , здѣлалъ я такое сильное движеніе , что старой офицеръ замѣнилъ , и по любопытствовалъ узнать тому причину.

Я пересказалъ ему все дѣло въ трехъ словахъ и заключилъ тѣмъ , что пошупокъ надъ малорослымъ горбуномъ былъ слишкомъ безчеловѣченъ.

Потерявъ терпѣніе и будучи разобиженъ , Карла клялся нѣмцу , что опрѣжешъ его косу. Нѣмецъ взглянулъ съ презрѣніемъ и сказалъ : опрѣжь пожалуй , ежели достанешь.

Когда насмѣшка выходитъ изъ своихъ границъ , то всякой

человѣкъ съ хорошими чувствами, конечно всегда возмешъ спорону обиженнаго, кшо бы онъ шаковъ ни былъ. Еслибы возможно было, я бы прыгнулъ на помощь къ ушѣсненному. Старой Офицеръ помогъ ему безъ всякой тревоги. Онъ далъ знакъ часовому, и показалъ ему то мѣсто. Солдатъ продрался. Не было нужды долго изслѣдывать обстоятельство. Дѣло было видимое. Солдатъ отодвинулъ Нѣмца — а Карла поставилъ вѣпереди его.

Вотъ славно! вскричалъ я, ударивъ вѣладоши. — Такой исторїи не случится съ вами вѣ Англїи, сказалъ мнѣ старой Офицеръ. —

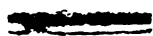
ВЪ Англіи, сударь, опивчалъ я ему: мы всѣ сидимъ по своимъ мѣстамъ покойно.

Опиваніе мой видно ему понравился; онъ поподчивалъ меня шабакомъ. Я понюхалъ и узналъ — что въ Парижѣ, острое слово всегда въ доброй цѣнѣ.

Г Л А В А ХХХVII.

Р о з а.

И я въ свою очередь спросилъ стараго Офицера. По всему партеру кричали: *Господинъ Аббатъ! подними руки выше.* Крикъ этотъ для меня столькоже былъ не вра-

зумишеленъ , сколько для товарища моего , не понятно было небольшое мое восклицаніе о монахѣ Лорензо.

Онъ сказалъ мнѣ , что это долженъ быть Аббатъ , сидѣвшій въ ложѣ , позади какихъ нибудь красенокъ , котораго замѣшилъ партеръ , и захотѣлъ надъ нимъ подшутить.

Возможно ли , отвѣчалъ я , чтобъ духовной человекъ , былъ такой волокита ?— Офицеръ улыбнулся — и нагнувшись шепталъ мнѣ на ухо , какія о нихъ проказы , какія мнѣ и въ голову никогда не приходили.

Великій Боже! вскричалъ я въ великомъ изумленіи: возможно ли чшобъ народъ, исполненный нѣжнымъ чувствами, могъ имѣть такія поносныя приспращія. . . и до такой степени лицемерствовать? Какое лукавство!

Офицеръ увѣдомилъ меня, что язвительныя насмѣшки въ театрѣ надъ духовными, начались съ самыхъ шѣхъ поръ, какъ Моліеръ издалъ *Гартюфа*. Но это мало по малу выводится. У всѣхъ людей, продолжалъ онъ: есть тонкости и грубости, которыя занима ихъ нѣкоторое время, въ послѣдствіи изчезаютъ сами собою.

Я былъ во многихъ Государствахъ, и вездѣ находилъ учтивость въ различныхъ видахъ. Что одни одобряютъ — другіе опровергаютъ. Повсюду стоятъ вѣсы добра и зла. Но дѣло въ томъ, чпобъ умѣть управлять ими. Это будетъ предохранительнымъ средствомъ отъ тѣхъ дурныхъ толковъ, копорые можетъ имѣть простакъ надъ другимъ. Пошому по путешественникъ имѣетъ много выгодъ: онъ сравниваетъ людей, разсматриваетъ ихъ характеры; а изъ того — научается жить, и сноситъ равнодушно нѣкоторыя непріятности. Взаимное снисхожденіе обязываетъ насъ лю-

бишь другъ друга. — Сказавъ это, онъ поклонился и ушелъ отъ меня.

Онъ говорилъ съ такою искренностію, съ такимъ чувствомъ, что совершенно оправдалъ меня въ тѣхъ добрыхъ впечатлѣніяхъ, которыя произвелъ во мнѣ его характеръ. Я думалъ любить человека, но боялся ошибиться въ своемъ выборѣ. Онъ только что хотѣлъ подать мнѣ способъ мыслить какъ надобно. . . Но я не могу такъ хорошо изъяснить какъ онъ. Вошъ въ чѣмъ розница!

Признаюсь, что въ первый мѣсяцъ, которей прожилъ я въ Парижѣ, часенъко краснѣлъ отъ

стыда, слышавъ такія слова, къ кошорымъ я совсемъ не привыкъ. Но потомъ они жеряли посщепенно свою силу, и я — ужъ не стыдился. Вошъ не большое доказащельство.

Госпожа Г* будучи сомною знакома, мѣсяца съ полшора — здѣлала мнѣ честь, посадила меня съ собою въ карешу, и повезла, за двѣ мили отъ Парижа. . . Она была прекрасна, добродѣшельна, скромна. На возвращномъ пуши, просила она меня дернупъ за снурокъ, чщобъ остановипъ кучера. — Развѣ вамъ что нибудъ нужно? спросилъ я ее. — Нѣтъ !

опивѣчала она: я хочу только сходить для себя.

Другъ путешествовашель! не мѣшай Госпожѣ Р... А вы, прекрасныя Нимфы, тайныя свидѣтельницацы ея упражненія, срывайте розы, и засыпайте ими слѣды. . . . Я пособилъ вышши ей изъ кареты. Еслибъ я былъ стражъ при чистомъ Каспильскомъ источникѣ, то и передъ нимъ не стоялъ бы я съ такимъ почтительнымъ благоговѣніемъ.

Конецъ первой Части.
